

ЖК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 32

**Реформы по-русски:
исторический контекст
современного опыта**

Москва ■ 2007

ББК 65.03(2) 63.3(2)
Н62

Президент **Сергей Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Наталья Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73
факс 234-48-40

эл. почта: *nikitskyclub@micex.ru*

<http://www.nikitskyclub.ru>

ISBN5-8341-0084-8

© ММББ, 2007 г.
© Никитский клуб, 2007 г.

Как заметил один из участников дискуссии Никитского клуба «Реформы порусски: исторический контекст современного опыта», «в России вопрос о реформах просто «заводит» (В. Пастухов). Редактирование стенограммы и сверка многочисленных цитат, а также ссылок на авторитетные мнения, используемых диспутантами в качестве подтверждения собственных мыслей, вызвало желание внести лепту в общую полемику в том же жанре. Начнем с того, что, перефразируя А.С. Пушкина, цитаты *«бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать...»* («Метель»). Острота обсуждения пришлось на тему либеральных проектов в России. Воспользовавшись советом классика, приведем слова достойных лиц, в том числе цитируемых в дискуссии, показавшиеся уместными для напоминания.

«Мы, русские, как известно, мало самостоятельны в нашей политической мысли, перенимаем её у западных народов и, в погоне за усвоением чисто внешним образом плодов западной цивилизации, не вдумываемся в общее значение мировых событий и изменения условий народной жизни.»

Р.И. Сементковский «К истории либерализма»

«... Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей... Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество свое ненавидел. Чем же это все объяснить у нас? Тем самым, что и прежде, — тем, что русский либерал есть покамест еще не русский либерал; больше ничем, по-моему.»

Ф.М. Достоевский «Идиот»

«Долго мы смешивали и теперь еще часто смешиваем общечеловеческое с европейским, последнее принимаем за первое.»

К.Д. Кавелин. «Письмо к Ф.М. Достоевскому»

«Либерализм как целое настроение и мирозерцание антиисторичен... Все более глубокие попытки обоснования либерализма упираются в идею естественного права. ...напрасно вы идеализируете природу человека, напрасно вы хотите опереться на неё в стремлении к лучшей жизни. «Исторический» человек все же лучше «естественного» человека, и расковывание человека «естественного» порождает лишь зло.

...

«Поистине в свободе есть скорее что-то аристократическое, чем демократическое. ...свобода и права человека, человеческой личности... имеют бóльшую связь с духовными основами жизни, чем всеобщее избирательное право или обобществление орудий производства.»

Н.А. Бердяев «Философия неравенства. О либерализме»

Без комментариев,
Наталья Румянцева

Круглый стол
**Реформы по-русски:
исторический аспект современного опыта**

18 мая 2007 г.

Участники обсуждения:

Арензон Евгений Рувимович,

старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

Аузан Александр Александрович,

директор Института национального проекта «Общественный договор»,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Голицын Юрий Петрович,

советник генерального директора Фондовой биржи ММВБ

Голубев Александр Владимирович,

руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института
русской истории РАН

Давидсон Аполлон Борисович,

профессор Института стран Азии и Африки при МГУ
им. М.В. Ломоносова

Дискин Иосиф Евгеньевич,

сопредседатель Совета по национальной стратегии

Капица Сергей Петрович,

президент Никитского клуба

Кротов Николай Иванович,

генеральный директор АНО «Экономическая летопись»

Лубенченко Константин Дмитриевич,

вице-президент Ассоциации региональных банков России,
доцент МГУ им. М. В. Ломоносова

Механик Александр Григорьевич,
обозреватель журнала «Эксперт»

Мясников Владимир Степанович,
советник РАН, президент Ассоциации китаеведов РАН

Пастухов Борис Владимирович,
научный руководитель Института публичной политики и права

Разумовский Феликс Вельевич,
писатель-историк, ведущий телепрограммы «Кто мы?»
(телеканал «Культура»)

Тамбовцев Виталий Леонидович,
профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Яковенко Игорь Григорьевич,
главный научный сотрудник Института социологии РАН

Круглый стол вел **С.П. Капица**

С.П. Капица

Дорогие коллеги, гости Никитского клуба! Сегодня в повестке дня нашего клуба тема: «Реформы по-русски: исторический контекст современного опыта».

Со вступительным докладом выступит Феликс Вельевич Разумовский, хорошо известный нам как ведущий авторской исторической программы «Кто мы?» на телеканале «Культура». Точку зрения экономиста на ту же тему выразит Александр Александрович Аузан, профессор экономического факультета МГУ, директор Института национального проекта «Общественный договор».

Что касается самого предмета, — когда-то нас призывали к перманентной революции, такое впечатление, что сейчас мы попали в эпоху пер-

манентных реформ (правда, это всё-таки лучше, чем перманентная революция). На мой взгляд, это порождение эпохи перемен, о которой мы уже не раз говорили. Возможно, я слишком настойчиво об этом напоминаю, — может быть, потому что сам много по этому поводу думаю. Мы живём в эпоху очень резких исторических перемен, когда время виртуальной истории и реальной политики неким образом слилось воедино. Трудно уже сказать, что является историей, а что — политикой и решениями, определяющими наше ближайшее будущее. Положение действительно сложное.

Как ни странно, я думаю, что тематика реформ связана с эволюцией общественного сознания. Я приехал на наше заседание после встречи в Госдуме, где обсуждались проблемы образования. Я думаю, что ни одна проблема в обществе не играет такой роли, как образование, потому что именно через образование формируется менталитет и интеллектуальный уровень тех, кто придет нам на смену и будет либо жить в результате наших реформ, либо осуществлять свои. И телевизионная передача Феликса Вельевича оказывает прямое воздействие на общественное сознание, когда мы пытаемся ответить на роковой вопрос: «Кто же мы?»

Пожалуй, это все, что я хотел бы сказать, предваряя наш разговор. Поэтому дадим слово нашему докладчику, а потом обсудим поставленные им вопросы.

Ф.В. Разумовский

Я благодарю Никитский клуб за приглашение и возможность поговорить с уважаемыми коллегами на эту важную и интересующую всех тему.

Мне кажется, что разговор о реформах в контексте исторического опыта мог состояться только сегодня. Телевизионная программа «Реформы по-русски», послужившая толчком к этому разговору, была сделана семь лет назад, и тогда о таком разговоре можно было только мечтать. Зато недавний повтор этой программы на канале «Культура» привлек внимание и вызвал гораздо больший отклик, чем при первом выходе на телевизионный экран. Очевидно, по поводу реформ последнего времени в обществе накопилось немало вопросов.

Вообще, реформы — вещь совершенно естественная, здоровая и нужная. Это нормальное состояние любого общества и любого государства. Жизнь не стоит на месте, время от времени различные сферы жизнедеятельности нуждаются в преобразованиях. Иногда проблем накапливает-

ся слишком много, и тогда приходится проводить системные реформы, что, конечно, сложнее, но и с этой задачей можно справиться. И только в России, где постоянно происходят разного рода преобразования с непредсказуемыми результатами, — в лучшем случае нейтральными, но чаще всего негативными, — реформы превратились действительно в проклятие. Как правило, мы просто не можем добиться результата, на который рассчитываем. Очевидно, мы выбираем не те принципы и исходим из ошибочных критериев. И сегодня это нуждается в каком-то осмыслении.

То, что современные реформы, т.е. реформы 90-х годов, крайне негативно сказались на России, — это, в общем, не секрет и всем понятно. Отметим две проблемы, которые более всего беспокоят наших современников. Прежде всего это колоссальный уровень коррупции. Такого, пожалуй, не было ещё со времён петровских реформ. Пётр Великий, как известно, не смог справиться с угрожающим уровнем коррупции, которая при нём пронизывала все стороны жизни. Реформатор испробовал самые разные средства: пытался ввести институт фискалов, прибегал к насилию, к казням, но ничего не помогало.

Другой не менее существенный и печальный итог реформ 90-х годов прошлого века — катастрофическая демографическая ситуация. По сути дела, если говорить прямо, мы как народ вымираем. Здесь я хотел бы сослаться на недавно опубликованную книгу «Государственная политика вывода России из демографического кризиса»¹. Более всего, на мой взгляд, интересна её аналитическая часть, достаточно глубокая и серьёзная. Авторы исследования докопались до причин демографического кризиса. Оказалось, экономические проблемы в данном случае не являются определяющим фактором, хотя можно было ожидать нечто противоположное. С точки зрения авторов, причина низкой рождаемости и высокой смертности состоит в особой и крайне негативной реакции русского человека на происходящее вокруг. Русский человек умирает сегодня от злобы и тоски, от безысходности и агрессии (в книге приведены соответствующие социологические данные). Особенно негативное воздействие оказывает ощущение несвободы.

В целом это весьма неожиданная информация. Если доверять современным российским СМИ, получается совсем другая история. Недавно

---

¹ Руководитель авторского коллектива В. И. Якунин, под общей редакцией С. С. Сулакшина. — М. Экономика, Научный эксперт. 2007. — *Здесь и далее прим. Ред.*

Ж клуб

Никитский

Фото И. Войниловича

Ф. В. Разумовский

в связи с известными событиями нам опять говорили о том, что Россия в 90-е годы была одарена свободой, и вдруг оказывается, что значительная часть населения воспринимает современную ситуацию как угрожающе несвободную. Это значит, что дело не только в трудностях. Дело в том, что русское общество, обычные люди считают себя оскорблёнными,— таково состояние русской души. К этим выводам пришли также медики, специально изучавшие эту проблему. Совершенно очевидно, что в результате реформ русскому сознанию был нанесён разрушительный удар. Реакция, как я уже сказал, была и есть резко отрицательная. Реформы вызвали деградацию основных общественных и государственных институтов, а экономика приобрела уродливые формы.

Для изучения опыта русских реформ и вообще для прогнозирования любой реформаторской и преобразовательной деятельности я бы предложил исторический подход. Существует русская культура с тысячелетней историей и русское сознание, определённым образом реагирующее на те или иные реформаторские действия и проекты.

Почему нам в данном случае интересен исторический опыт? Ведь мы сегодня не можем воспользоваться ни одной из моделей реформ, существовавших в прошлом. Хотя русский мир реформировался постоянно, это закон жизни. И каждый раз вызовы были совершенно разные. Кроме того, русская культура за тысячу лет претерпела огромные изменения. И вообще она всегда была очень пластичной...

Получается, будто бы единого исторического опыта не существует: сегодня — одно, завтра — совершенно другое. Но на самом деле это не так. Академиком Александром Панченко² в его классической работе «Россия накануне петровских реформ» был сформулирован закон культурной топики. В своих публичных выступлениях на широкую аудиторию Панченко употреблял более поэтическое название: «сердце культуры». Оказывается, существуют неизменяемые устойчивые формы культуры, актуальные на всём протяжении существования русского мира. Это не что иное, как костяк нации, её культурный код. В нём зафиксированы важнейшие представления о жизни, в первую очередь нравственные представления. А потому травмировать «сердце культуры» небезопасно. Это наверняка вызовет крайне болезненную реакцию. Реформы 90-х годов имели именно такие последствия.

О том, какие формы культуры являются устойчивыми, — тема отдельного разговора и отдельного исследования. Для примера сошлюсь на давнюю работу академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, в которой сравниваются два литературных произведения: «Задонщина»³, появившаяся после Куликовской битвы, и роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Как видите, произведения из очень разных и далёких эпох. В XIV в. русские не знали романной формы, и статус писателя был совершенно другой.

---

² Панченко Александр Михайлович (1937–2002), литературовед, специалист в области истории русской литературы и культуры; действительный член РАН (с 1991), лауреат Государственной премии России, почётный член ряда европейских университетов.

³ Памятник древнерусской литературы конца XIV-XV вв., посвящённый победе русских войск в Куликовской битве.

Кто написал «Задонщину», не известно, имя автора «Войны и мира» знает весь мир. Но самые важные и принципиальные вещи, прежде всего нравственные ценности, на которых построены и роман, и «Задонщина», одни и те же. Например, совершенно одинаково описаны фигуры захватчиков — Наполеона и Мамая, одинаковы подходы к изображению и оценке битв, тип поведения русских людей на поле брани. Эти совпадения чрезвычайно важны и, разумеется, не случайны. За этим стоит очень многое: реальные проявления культурной топики, того неприкосновенного запаса, который следует охранять самым тщательным образом.

Тем не менее разные реформаторские проекты относились к этому неприкосновенному запасу по-разному. Здесь очень большой спектр самых разных исторических ситуаций. Именно на основе этого критерия — отношения к культурной топике — я предлагаю классифицировать все русские исторические реформы. Данный подход несколько не противоречит самой природе реформаторства. Каждая реформа уникальна, реформ «вообще» никогда не было и не может быть. Наряду с этим в различных реформах можно обнаружить немало общего.

В русской истории есть проекты, которые я назвал бы деспотическими. Есть проекты (естественно, они появляются в новое время и продолжают возникать в новейшее), которые можно назвать либеральными. И третий род проектов можно назвать национальными. Названия в данном случае условны, но они всё-таки определяют нечто самое важное при всех наблюдаемых различиях.

Деспотические проекты для России с её политической традицией и типом власти — явление вполне закономерное. Это реформы, опирающиеся на деятельность различных силовых структур, в первую очередь на тайную полицию — опричнину, Преображенский приказ, тайную канцелярию различных видов, ГПУ, НКВД и т.д. Такими были, совершенно очевидно, реформы второй половины царствования Ивана Грозного. Реформы Петра I тоже относятся к этому типу, хотя для нас Пётр I — символическая фигура, и, в общем, нам хотелось бы, чтобы все русские реформы осуществлялись по образцу петровских. Вспомним, что изображение Медного всадника украшало эмблему первой демократической партии новейшей России. Это не случайно, как не случайно и то, что памятник Петру I появился в Москве на рубеже 1980-х–1990-х гг. Наши будто бы либеральные преобразования совершались под знаком царя Петра, который реализовывал сугубо деспотический проект. Его реформы были «писаны кнудом» — это ещё Пушкин сказал. Другой поэт, Максимилиан

Волошин, назвал Петра «первым большевиком». Специфическое ведомство — Преображенский приказ — играло в то время ключевую роль.

Сколько высок был удельный вес физического и политического насилия в петровских реформах, можно показать хотя бы на примере промышленной модернизации. По замыслу Петра русскую кустарную промышленность следовало заменить более прогрессивной мануфактурной промышленностью. Если не считать нескольких полугосударственных железоделательных заводов, мануфактур в России не было, зато была давняя традиция разнообразного кустарного производства (впоследствии эта традиция возродится и сохранится вплоть до революции и даже позднее). Но Петру были нужны мануфактуры, которые он повидал в Европе. С этой целью в разные уезды посылаются воинские команды, чтобы попросту методично разрушать соответствующие орудия кустарного производства. Например, в Серпуховском уезде, который был известен своей кустарной металлургией, подверглись разрушению все ручные домны и кузницы, выпускавшие лучшую для того времени сталь, так называемый «серпуховской уклад». Это было насилие в чистом виде, оно не влекло за собой создания каких-либо экономических механизмов, хотя бы отдалённо напоминающих рыночные, ту же конкуренцию. Тем не менее, как известно, мануфактурное производство при Петре не прижилось. Значительное количество русских мануфактур появилось в эпоху Екатерины II, реформы которой деспотическими никак не назовёшь.

Насилие само по себе не может создавать новую экономическую или политическую реальность. В этом плане насилие абсолютно неэффективно. Но другого способа для вторжения в сферу культурной топики не существует. Деспотический проект реформ мобилизует основные силы государства на борьбу с сознанием собственного народа. В ходе этой борьбы сильнейшим образом травмируется «сердце культуры», провоцируя тот самый «культурный обморок», который обычно является следствием реализации подобных проектов.

Ещё один, безусловно, деспотический проект, причём в очень важной сфере — духовной, — реализовывался во время пребывания на патриаршем престоле патриарха Никона⁴. Главная цель никоновских реформ — это, как известно, так называемое «оцерковление» жизни. Всё светское,

---

⁴ Никон (Минов Никита) (1605–1681), русский патриарх с 1652 г. Провёл церковные реформы, вызвавшие раскол Русской церкви.

внецерковное подлежало искоренению. Дело спасения становилось не только государственным делом, но и задачей для всей культуры вообще. А потому нельзя, например, играть свадьбы, веселиться, надо скоморохов преследовать и т.д. Понятно, как насилие в таких чувствительных сферах русского сознания отражается на самочувствии русского населения. В конце правления Петра, как известно, демографическая ситуация мало отличалась от существующей сегодня. Во всяком случае, убыль населения была колоссальной, население центральных уездов и губерний Российской империи сократилось в несколько раз. Кроме того, не менее ужасным последствием деспотического реформирования является русский раскол всякого рода — культурный, религиозный, социальный — и сопровождающая этот раскол смута. Это специфическая болезнь Русского мира, которая ведёт к его самоуничтожению. Смута — это всегда результат реализации деспотического проекта, попытки вторжения в сферу культурной топики.

Подобные вторжения необязательно имеют характер тщательно подготовленной и, главное, осмысленной акции. Сталинская модернизация 20–30-х годов (коллективизация и индустриализация) в этом отношении была уникальной. Разрушение национальной культурной топики стало главной целью этого крупнейшего в истории России деспотического проекта. В ходе его реализации насилие над «сердцем культуры» приобрело особенно изощрённую форму. Завершился сталинский проект созданием и утверждением идеологии национал-большевизма (конец 30–40-х годов). Это было, помимо всего прочего, необычайно тяжёлое по своим последствиям использование культурной топики в утилитарно-политических целях. Технологию взламывания культурного кода наглядно демонстрирует фильм «Александр Невский» 1938 г. Подвиг святого благоверного князя состоял в служении идеалу ПРАВДЫ. Одноимённый герой советского фильма утверждает прямо противоположную идею — идеал силы.

Воспитанный на подобных примерах советский человек подошёл к рубежу 80–90-х годов XX в. в состоянии глубочайшего кризиса идентичности. В этой ситуации была обречена любая модернизация, либеральная — в первую очередь. Реформаторы 90-х действовали наугад, методом проб и ошибок. Они были по-большевистски радикальны и циничны, но, в отличие от большевиков, не умели и даже не пытались что-либо объяснить и вообще разговаривать с народом, точнее, с потерявшим всякую ориентацию «электоратом». Это неумение и нежелание прислушаться к

тому, как и чем живёт Русский мир, прислушаться к «сердцу культуры», характерная черта русского либерализма.

Если присмотреться к ходу либеральных преобразований, мы увидим всё то же насилие или пренебрежение культурной топикой. Только совершается это насилие не столь явно, прикровенно и в более изощрённой форме. Данная констатация, смею надеяться, совершенно беспристрастна. Принцип либерализма не предполагает ущемления свободы в какой бы то ни было сфере, не в последнюю очередь — свободы быть самим собой. Пренебрежение национальной культурной топикой — это, скорее, родовой изъян всех наших либеральных проектов. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда национальное сознание либо не подготовлено к принятию каких-то новых институтов (как экономических, так и социальных), либо отторгает их в принципе.

Существует закон культурной трансплантации, о котором в своё время писал Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Когда мы переносим какое-либо явление из одной цивилизации в другую, это явление, как правило, меняет знак. В лучшем случае оно вообще не работает в новых условиях, в худшем — начинает оказывать в той культуре, куда внедрено, разрушительное действие. С коллизиями такого рода сталкивались все организаторы либеральных проектов. Император Александр I был первым. В самом начале его правления действовал так называемый «Негласный комитет». Молодые люди — четыре друга государя — встречались после обеда в какой-то дальней комнате императорского дворца. Его друзья только что приехали из-за границы, куда попали ещё в юном возрасте и там учились. Они совершенно не знали русских реалий. Это не помешало им взяться за проект освобождения России.

В начале XIX в. дальше разговоров дело не пошло. Члены комитета ничего реального сделать не смогли. Тогда они нашли человека очень способного, пригодного к административной деятельности. Это был знаменитый Михаил Сперанский⁵, настоящий гений администрации. Он сочинил грандиозный проект либеральных реформ, который был представлен императору в 1808 г. Сравнительно недавно подобный проект будоражил наше воображение, а назывался он «500 дней». Проект Сперанского по аналогии можно назвать «365 дней». Ровно за год —

---

⁵ Сперанский Михаил Михайлович (1783–1839), русский государственный деятель, юрист, инициатор конституционных преобразований.

1805 — год 10-летия правления Александра I Россия должна была получить «новое бытие». Все этапы преобразований Сперанский распisał по месяцам и даже по дням. За один год он рассчитывал ввести в России парламент, конституцию, справиться с реформой суда и создать новые министерства. Планировалась грандиозная трансплантация западного опыта и западной политической культуры. Всего за один год! Критиком этого проекта выступил Николай Карамзин, которого никак не заподозришь в нелюбви к Западу: автор «Писем русского путешественника» в душе был республиканцем. Тем не менее он сделал всё возможное, чтобы разубедить Александра I в возможности реализации этого проекта. Историк специально написал знаменитую «Записку о древней и новой России», в которой говорил о русской почве, о традициях и нравах, — словом, описал реальные условия реализации либерального проекта. Карамзин показал стороны русской жизни, которые не могут быть преобразованы на основе либерального проекта. Этот проект произведёт в России своё разрушительное действие в самое неподходящее время — накануне ожидаемой войны с Наполеоном. Таким образом, первый русский либеральный проект остался только на бумаге.

Из реализованных либеральных проектов самый крупный — это, конечно, «великие реформы»⁶ Александра II. Они действительно великие: освобождение русского крестьянства, судебная реформа, рождение русского земства, военная реформа. Все эти преобразования были крайне необходимы и давно назрели, однако для основной массы русских людей, для крестьянства характер и сама атмосфера реформ были очень тяжелы. У Некрасова есть несколько стихотворений на эту тему, в том числе поэма «Кому на Руси жить хорошо». «Добра ты, царская грамота, / Да не про нас ты писана» — таково мнение народа о сущности царского манифеста. Можно вспомнить и знаменитую реплику Фирса из чеховского «Вишнёвого сада»: «Перед несчастьем то же было; и сова кричала, и самовар гудел бесперечь». Его спрашивают: «Перед каким несчастьем?» Старый слуга отвечает: «Перед волей». Это значит, что осво-

---

⁶ Великие реформы в истории России — период подготовки и проведения важнейших реформ (крестьянской, судебной, военной и др.) во времена царствования Александра II. Началом эпохи считают оттепель и объявление «гласности» в 1856 г., окончанием — политический кризис конца 1870-х — начала 1880-х гг. Реформы способствовали переходу от традиционного к индустриальному обществу.

бождение обернулось для крестьян «несчастьем». Более того, реформаторы, сами того не ведая, запустили механизм саморазрушения Русского мира. Появился тип разрушителя — русский нигилист, люди типа тургеневского Базарова, тот же Каракозов, стрелявший в царя-реформатора у решётки Летнего сада. Это были люди, готовые пожертвовать собой, иначе говоря, их поведение и культурная психология напрямую восходят к русской культурной топике. Там же все мученики. Желябов, выступая на суде, говорил, что он дело Христово делает. Как видите, эти люди весьма своеобразным образом, через протест и отрицание, напомнили об отброшенной реформаторами культурной топике. В этом контексте я, собственно, и предлагаю рассматривать реформы 90-х годов XX в.

Мы могли наблюдать в то время (и наблюдаем до сих пор) картину деградации Русского мира. Эта удручающая картина возникает всякий раз при реализации либерального проекта. Русский мир опять раскололся, и все приметы русской смуты снова налицо. В том числе — разделение людей, разделение народа. Причём это разделение не только и даже не столько социальное и имущественное (это ещё полбеда), в данном случае нам особенно важно отметить разделение культурное. Подобное обстоятельство привело к взрыву 1905 г., 1917 г., к самоубийственной войне «белой» и «черной кости».

Наконец, третий тип реформ, о котором я уже говорил, — это реформы, созидающие Русский мир, укрепляющие его и в конечном счёте исправляющие жизнь. Именно так говорили в старину о преобразованиях: «ИСПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ»⁷ (слово «реформа» появилось в России сравнительно поздно, в конце XVIII столетия). По своему характеру это были не деспотические и не либеральные, а национальные проекты. Наиболее значимые примеры подобного рода можно найти в истории Древней Руси. И это, конечно, естественно. Именно в древности активно формировалась русская культурная топика и утверждались устойчивые формы культуры.

В этом ряду прежде всего нужно отметить реформы князя Андрея Боголюбского. Результаты его деятельности вполне очевидны: за 20 лет в середине XII в. в тогдашнем захолустье, в Залеской земле была создана цветущая Владимирская держава. С тех пор прошло уже без малого 900 лет, но главные свершения того времени не утратили своего зна-

---

⁷ Здесь и далее в тексте выступления — выделено автором.

чения до сих пор. Это, во-первых, культ Богородицы, праздник Покрова Богородицы и храм Покрова на Нерли, посвящённый этому празднику. Это, конечно, икона Владимирской Богородицы, привезённая князем из Киева и ставшая русским палладиумом.

Упомяну среди национальных проектов реформы князя Александра Невского. Недаром благоверный князь Александр Невский стал одной из немногих символических фигур русской истории.

Крупнейшие реформы, которые, как мне кажется, до сих пор не потеряли своего значения, — это реформы Ивана III. Создание Московского государства — таков был главный итог этих преобразований. Унаследовав власть московских князей, он, первый государь всея Руси, получил слабую и во многом очень провинциальную страну — даже не страну, а княжество, раздираемое на части бесконечной борьбой удельных князей за власть. Эта борьба была главным фактором нестабильности и препятствовала каким бы то ни было преобразованиям. Такая Русь неизбежно должна была уступить экспансии соседнего литовско-польского мира, проиграв ему исторический спор за первенство в Восточной Европе. Реформы Ивана III вывели Московскую Русь на широкую историческую дорогу, преобразования коснулись едва ли не всех сфер жизнедеятельности — от государственности и внешней политики до суда и финансов. Характер и идеологию деятельности Ивана III определяли два важнейших принципа: СТАРИНА и ОТКРЫТОСТЬ. Открытость — это основа успешной модернизации, это готовность к диалогу со всеми, готовность к восприятию и использованию всего полезного и нового. При этом государь-реформатор ни на минуту не упускал из виду, что и кому наследует новая Русь, какое духовное и политическое наследство она получила, какая «старина» нуждается в возрождении. На основе этих принципов был воздвигнут Московский кремль, который строили по преимуществу итальянские мастера в полном соответствии с русскими художественными традициями.

Нельзя не отметить, что, несмотря на свои громадные заслуги, Иван III как-то выпал из символического ряда. Во всяком случае, ни одного памятника создателю Русского государства в России нет. Не правда ли, это очень странно и одновременно символично. (Только на памятнике 1000-летию России в Новгороде есть скульптура первого государя всея Руси. Там он помещён среди прочих наших славных правителей.) Памятников царю Петру превеликое множество, а Ивану III — нет. Значит, его памятью мы не очень-то дорожим. Нас, очевидно, не впечатляет то, как и в ка-

ком духе действовал Иван III. Мы всё ещё поклоняемся эффектному реформаторскому стилю Петра Великого. Прежде всего его западничеству, его демиургической борьбе с собственным народом. Мы заранее готовы простить Петру все чудовищные по масштабам издержки его деяний. И мы до сих пор любим рубить сплеча...

Разумеется, в делах такого рода Иван III нам не помощник. К опыту первого государя всея Руси стоит обращаться, если мы вдруг захотим снова стать самими собой. Захотим трезво оценить свои возможности, свой исторический опыт. Вот тогда нам будет очень полезно разобраться в том, что и как делал Иван III. Тогда мы сумеем, наконец, открыть в нем величайшего русского реформатора.

Очевидно, наличие целого ряда успешных национальных проектов во времена русского средневековья по-своему закономерно. Сакральная культура сама по себе способствует сохранению устойчивых форм культуры, сохранению и приумножению традиций. В новое время с его секулярной культурой Россия следовала по этому пути как минимум дважды: в эпоху Екатерины II и Александра III (при всех различиях в характере этих фигур и обстоятельств их правления). И тем не менее Екатерина II и Александр III действовали, во-первых, ненасильственно, но твёрдо; во-вторых, они не травмировали национальную психологию и не стремились в одночасье переменить нравы. Таким образом удалось добиться поистине выдающихся результатов, прежде всего в экономике.

Крупнейшая национальная модернизация была осуществлена при Екатерине II. То, что Россия, Российская империя, Русский мир были тогда на подъёме, совершенно очевидно. Демографическая ситуация в конце правления Екатерины была обратной по отношению и к нынешней, и к петровской. Это очень существенный показатель. За этим стоит принципиально иная модель преобразовательной деятельности.

Создавая знаменитого Медного всадника, Екатерина стремилась представить себя современникам ревностной продолжательницей «дела Петра». На самом деле это было совсем не так. Полицейское государство, создаваемое в процессе петровских реформ, закрепощало человека. Екатерина начала обратный процесс — раскрепощение. Основной целью её преобразований было создание в России «ОБЩЕСТВА ОТВЕТСТВЕННЫХ ГРАЖДАН» (в определённом смысле это было именно возвращение к традиционной русской самодеятельности). Ради этого в 1767 г. собиралось законодательное собрание — Комиссия для составления нового уложения; ради этого в 1769 г. императрица инициировала

ла диалог с русским обществом в виде журнальной полемики, а в 1785 г. подписала Жалованную грамоту дворянству и городам. Недаром эпоха Екатерины была эпохой величайших русских деятелей в самых разных областях. Их дети и внуки станут героями 1812 г. и благодарными читателями «Истории» Карамзина. Между тем и сам Карамзин сформировался как свободная личность и как русский гражданин в атмосфере всё тех же екатерининских реформ.

Итак, чтобы модернизация России в очередной раз не разбивалась о русское сознание, реформаторский проект должен иметь национальный характер. Наша задача в данном случае, на первый взгляд, проста: предложить обществу национальный проект модернизации, исходя из современных исторических вызовов и своеобразия русской культурной топики. На самом деле на этом пути наше общество ожидают серьёзные трудности. Постсоветская Россия переживает глубочайший кризис беспочвенности (или, по-другому, идентичности). В ходе исторического эксперимента по созданию советского человека целенаправленному разрушению подвергались русское сознание, традиции и мироощущение. В настоящее время мы буквально висим в воздухе, культурная почва ушла у нас из-под ног. Однако, не имея сколько-нибудь ясного представления о самих себе, невозможно по-настоящему решать разнообразные частные вопросы, экономические в том числе. А потому самой насущной проблемой стало для нас САМОПОЗНАНИЕ — изучение русского исторического опыта и устойчивых форм национальной культуры (топики). Такое самопознание следует считать важнейшим условием национального развития или так называемой «национализации будущего» (эта тема с недавних пор активно обсуждается политической элитой страны).

На этом я заканчиваю разговор о том подходе, который, мне кажется, полезен при анализе исторического и современного опыта русского реформаторства.

С.П. Капица

Вы представили, по-моему, блестящее изложение русской истории, и мы можем только поблагодарить Вас за ясность и четкость поставленного Вами диагноза того, что было в прошлом. Как это теперь перенести в настоящее — представляется почти невозможным. Тем не менее уроки истории могут служить основой для нашей сегодняшней дискуссии. Есть два способа описания истории: с точки зрения экономики или развития

идей. Вы идёте по пути идей, по пути идеологии, ценностей, иногда религиозного сознания в далёком прошлом и такого типа понятий.

Есть ещё экономический подход к тому же, на чём мы были воспитаны в прошлом, поэтому сейчас слово экономисту — Александру Александровичу Аузану. Это не значит, что сейчас мы услышим краткое изложение марксизма-ленинизма.

А.А. Аузан

Я могу, конечно, начать и с такой справки, но охотнее отреагирую на то, о чём говорил Феликс Вельевич.

Коллеги, во-первых, современный экономический взгляд, как ни странно, не так уж противостоит тому, о чём говорил Феликс Вельевич, потому что — я начну с этого — в новой институциональной экономической теории есть такое понятие, как надконституционные ценности. Лет 30 назад экономисты обнаружили для себя такой факт, только для юристов, возможно, неожиданный, что неформальные нормы, сталкиваясь с формальными, очень часто побеждают. Причём это может относиться и к правилам очень высокого порядка. Когда мы начинаем вникать, почему плохо или хорошо развивается страна, в которой именно такая конституция, обнаруживаются парадоксы.

Конституции стран Латинской Америки, созданные во время боливаровских революций, лучше североамериканских. В них учтен опыт Великой французской революции, Консульства. Но развитие в странах Латинской Америки происходит хуже, потому что здесь накладываются правила более высокого порядка — неформальные правила, стоящие над конституцией. Потому это попало в поле зрения экономистов, которые в последнее время стали анализировать это обстоятельство особенно активно. Если говорить именно о культурной топике...

С.П. Капица

...тогда стоит сказать о католицизме?

А.А. Аузан

Нет, потому что если сравнивать развитие Англии и Испании в XVI в.,

что сделал Дуглас Норд⁸, то можно увидеть, что эти страны были, по существу, идентичны по целому ряду параметров: численность населения, структура занятости, внешняя экспансия, создание империй, борьба королей и парламента. С помощью обычной экстраполяции мы бы сказали, что в XIX в. эти страны будут находиться на близких уровнях развития. Но в XIX в. мы обнаруживаем Англию как безоговорочно первую страну в мире, а Испания в это же время — одна из самых отсталых стран Европы. Вряд ли причина здесь в католицизме, потому что в XVI в. англиканство отличается только тем, что церковь в Англии возглавил король, а религиозные предписания в Англии не отличаются от прочих подобных. Но, Сергей Петрович, я охотно вернусь к этому позже, сейчас же мне хотелось, реагируя на логику Феликса Вельевича, поговорить о российской реальности.

Итак, постановка вопроса, безусловно, признаётся: мы можем говорить о том, что культурная норма может оказаться выше прочих норм и реально влиять на развитие, порядок реформ и т.д.

Теперь по поводу русской культурной топики. Последнее время я часто обдумываю статью, по-моему, безусловно канонического автора в вопросах культуры. Я имею в виду Юрия Михайловича Лотмана⁹. У Лотмана есть статья, написанная в 1981 г., «Договоры вручения себя как архетипические модели культуры». Она очень близка к проблеме, которую мы обсуждаем.

Ф.В. Разумовский

Нет договорного сознания в России.

А.А. Аузан

Да, и Лотман, конечно, говорил не о реформах, он говорил о существенно более глубоких вещах. При этом всё не так просто, потому что, скажем, язычество по Лотману всегда связано с договорным сознанием, которое как раз способствует модернизации. Петровская эпоха, с точ-

---

⁸ Дуглас Норд, представитель современной школы неинституционализма, один из создателей институциональной теории, лауреат Нобелевской премии.

⁹ Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), советский литературовед, культуролог, семиотик, профессор Тартуского университета; автор телепередач «Беседы о русской культуре» (конец 1980-х).

ки зрения Лотмана, это переход к системе договора. Как раз на этом и рухнула эпоха, потому что до Петра не было идеи распространения определённых обязательств и на царя, и на имущие слои. Поэтому освобождение дворянства Екатериной II, безусловно, требовало освобождения крестьянства по логике уже договорной схемы, на которую перешёл Пётр. К сожалению, Юрий Михайлович Лотман довёл этот анализ только до конца XVIII в. Он сказал, что, начиная от X в., останавливается на конце XVIII в.

Я хочу сказать, что это совсем не чужая нам, экономистам, тема, не чужой язык и мы можем, скажем, в терминах «архетипы культуры», «договор вручения себя» рассматривать, как ситуация меняется в разные исторические эпохи. Определить, как эволюционировали эти два культурных начала и как они выражались в знаковой или символической культуре, позволяют хотя и различные подходы, но сходство языка.

О моделях реформ. Я немедленно соглашаюсь с Феликсом Вельевичем по поводу последствий того, что экономисты обычно называют авторитарными и либеральными модернизациями в России. Я бы сказал, что либеральные реформы в России, как правило, малоэффективны, а авто-

ритарные обладают очень странной динамикой. Они дают быстрый, резкий эффект, а затем откат. Фактически, как удачно выразился Виталий Леонидович, когда мы с ним это обсуждали, они «капотируют». Такой видимый взлёт происходит при Петре, а немедленно после Петра — катастрофический спад. Примерно такое же происходило и со сталинской модернизацией. Поэтому наблюдается такой парадокс: малая эффективность либеральных реформ и квазиэффективность авторитарных модернизаций, сжигающих прежде всего человеческий капитал, после чего — фактический откат к прежним позициям.

Я бы тоже согласился, что такие показатели, как демографическая динамика и уровень коррупции, о которых говорил Феликс Вельевич, принципиально важны для оценки общества. Напомню, что один из самых характерных анекдотов был рождён во времена Великих реформ. Его цитирует Евгений Тарле¹⁰: обращаются к высокому чиновнику и говорят: «Ваше превосходительство, мы Вам дадим 3 тысячи рублей, об этом не будет знать ни одна живая душа». Чиновник отвечает (это в 80-е годы XIX века!): «Дайте 5, и рассказывайте кому хотите». Мы понимаем, что такие aberrации сознания возникли не вчера, они укреплялись, в том числе в результате Великих реформ.

Теперь я хочу поговорить о том, в чём наши взгляды с Феликсом Вельевичем несколько расходятся. Если происходит так, что эффективность либеральных модернизаций мала, а за квазиэффективностью авторитарных модернизаций скрываются катастрофические последствия, — наверное, есть общие причины, удерживающие движение в этом самом коридоре. И попытка покинуть коридор приводит к потерям. Поэтому я перехожу к пункту, обозначенному в плане дискуссии как «глобальный вызов — российский ответ».

Действительно, существует такой глобальный вызов, который экономисты называют «past dependency problem», что неудачно, на мой взгляд, переводят как «зависимость от траектории предшествующего развития». От траектории предшествующего развития зависит всё, поэтому получается тавтология. Я попытался несколько лет назад назвать это «проблемой колеи». Может быть, тоже не очень точно, но смысл происходящего напоминает именно попадание в колею, которую странам крайне

---

¹⁰ Тарле Евгений Викторович (1874–1955), русский советский историк, академик АН СССР (1927).

трудно покинуть. Эти эффекты были обнаружены экономистами, вообще говоря, не только в исследовании отдельных стран, но и в общей статистической картине мира.

Существуют так называемые таблицы Мэддисона¹¹, описывающие статистические наблюдения движения стран, где вели статистику. Мы понимаем, что для Англии это два с половиной века, для России и Германии — полтора века, а для каких-то других стран — только 70–80 лет. Но в таблицах Мэддисона отражена удивительная картина: устойчиво существуют три группы стран, три траектории, заметно отличающиеся друг от друга по темпу валового продукта на душу населения. И что самое поразительное — во второй половине XX в. эти разрывы между группами возрастают, и за время наблюдений есть только один доказанный случай, когда страна из третьей группы переместилась в первую. Это Япония. Сейчас обсуждают, можно ли говорить так о Сингапуре, но о таких странах, как Сингапур, говорить пока рано, потому что 10–20-летний период времени — ничтожно мал, чтобы делать такую оценку. Россия на большом периоде в среднем отстаёт на 50 лет от Франции и Германии. На 50 лет! При этом она может резко подниматься и подходить почти вплотную к высокой траектории, потом снова падает, но в среднем получается, что у нас за окном сейчас май 1957 г. в Париже. Вообще говоря, не лучшее время во Франции.

Почему это происходит? С точки зрения экономистов, потому что Россия, похоже, находится в постоянном состоянии многообразных реформ, переживаемых с кровью, реформ с плохими результатами. Я могу привести пример другой такой же страны — Испанию. Испания два века прожила (надеюсь, этот период заканчивается) в гражданских войнах, революциях, в попытке преодолеть траекторию своего развития. Но нельзя сказать, что Испания в этом преуспела, об этом говорить пока рано. Можно называть и третьи, и четвертые страны — жертв бесконечно разрушительных модернизаций, потому что действует некий замок, удерживающий страну на определённой траектории развития. В чём же причина этого?

Экономисты, занимающиеся теорией национальных изменений, даже если и дружно констатируют наличие проблемы, дают этому очень разные объяснения. Применительно к России, например, существует 6–7

---

¹¹ Мэддисон Ангус (Angus Maddison) (род. в 1926 г.), британский экономист-социолог, исследователь истории мировой экономики.

вариантов ответа. Существует частично обоснованная гипотеза, что всё дело в надконституционных правилах, в национальном менталитете. Это объяснение даже отчасти может быть проверено на опыте Японии. Эта страна, перескочив с низшей траектории на высшую, дважды испытала сильнейшее внешнее насилие. Во-первых, когда была принудительно открыта для мира перед реформой Мейдзи¹² и затем во время оккупации; во-вторых, в стране дело доходило до того, что несколько лет назад в Японии обсуждался вопрос о принятии английского языка в качестве государственного. По соображениям экономичности решение не было принято, но национально-культурный кризис с очень высоким уровнем суицида страна пережила. То есть на примере Японии можно найти косвенные подтверждения гипотезы о влиянии надконституционных правил. Косвенные.

Признаюсь, я не сторонник этой гипотезы, но честно говорю, что такая точка зрения существует и её придерживается ряд почтенных экономистов. Есть другие гипотезы, например, гипотеза «проклятия ресурсов», т.е. испортить жизнь страны может наличие больших ресурсов. Об этом я говорить не буду, потому что, по-моему, это отдельная тема для разговора. Но о доминирующей гипотезе я скажу, потому что, на мой взгляд, именно её можно применить к России.

Доминирующая гипотеза причины, почему страна не может преодолеть свою траекторию, заключается в следующем. В некоторых точках бифуркации при принятии определённых решений, связанных с техническим прогрессом или выбором правил, институтов и т.д., возможны ошибки. Ошибки возможны всегда, но некоторое ошибочное решение может далее закрепляться. Закрепляться чем? Возникает так называемый эффект блокировки — «locking effect». Неверно созданные правила обязательно кому-то выгодны. Кому выгодны правила серьёзного уровня? Они выгодны доминирующим группам. В результате не получается изменить ошибочные правила, потому что это вызывает сильное сопротивление доминирующих групп.

Если говорить о российском феномене, то статистически, к сожалению, очень сложно проверить, что было в дотатарской Руси, но мне ка-

---

¹² Мэйдзи (буквально: просвещенное правление), официальное название периода правления (с 1868) японского императора Муцухито (1852–1912); в этот период Япония превратилась из феодальной страны, изолированной от мира, в современное государство.

жется, что Россия попала в эту ловушку, в этот замок в XIV-XV вв. после Александра Невского и, скорее всего, при Иване III. Кстати, хочу напомнить, что Андрей Боголюбский, вроде бы такой успешный, погиб очень страшной смертью. Почему-то так трагически закончились его попытки создать гармонию в стране. Что произошло, где ошибка? Дуглас Норд полагает, что в Англии и Испании это вопрос распределения налоговых прав между парламентом и королём, приведший к совершенно разным результатам использования имущества и т.д. А в России?

Я думаю, что в России возникла следующая ситуация. Избыток земельного и дефицит человеческого ресурсов в России могли привести и велик к тому, что более ценным был человеческий фактор. Но проблема нашла другое решение. Если силой закрепить дефицитный человеческий ресурс за недефицитным земельным, то получаются сразу два института — традиционная российская пара: крепостничество и самодержавие. Самодержавие — это не обычная абсолютная монархия, крепостничество — это не обычный феодализм. Эти институты живы до сих пор. Они проходят не только через сталинскую эпоху. Если говорить о современности, — посмотрите, скажем, на то, что такое современные российские вооруженные силы, как устроено там хозяйство. Вы увидите здесь отходничество, увидите барщину. Посмотрите, как устроена работа с гастарбайтерами. Думаю, можно обнаружить, что 5–7 млн человек в стране сейчас существует при вполне классическом крепостническом укладе. Конечно, это не сталинское время...

Ф.В. Разумовский

Это феодализм.

А.А. Аузан

Не совсем феодализм, потому что вся эта схема не работает без государственного принуждения. Мне представляется, что произошло некое переплетение. В каждом случае некая зависимость, из-за которой страна не может вырваться за пределы своей траектории развития, возникает по своим институциональным причинам. Поэтому я полагаю, что преодоление ловушки, которую создает неэффективность или очень низкая модернизация в России, или трагический откат, состоит в том, чтобы найти способы разомкнуть эту зависимость. На современном языке это звучало бы, как переплетение власти и собственности, воспроизводимое в разных видах. Если мы находим способ, как разомкнуть такую

зависимость, — тогда у нас есть возможность придать иное движение модернизации, создать иное существование.

С.П. Капица

По-моему, Вы сделали важное дополнение к тому, что сказал Феликс Вельевич. Я попрошу выступить Виталия Леонидовича Тамбовцева, профессора экономического факультета МГУ, чтобы продолжить аргументацию Александра Александровича Аузана.

В.Л. Тамбовцев

Я занимался теорией институциональных изменений не в историческом масштабе, а на промежутке последних 15–17 лет. Поэтому я бы хотел не столько продолжить теоретическое обсуждение, сколько приблизить дискуссию к нашему времени и остановиться на реформах 90-х годов.

Проверка фундаментальных гипотез, объясняющих, скажем, существенно разные траектории развития стран по группам, к сожалению, с большой вероятностью выводит нас в область ненаблюдаемого, поскольку данные, которыми мы располагаем о прошлом, весьма невелики. К тому же это не специализированные наблюдения, а скорее, интерпретация данных, поэтому проверка гипотез на длительных исторических периодах чрезвычайно затруднена. О том, как можно оперировать такими данными, достаточно намёка на «школу» Фоменко¹³.

Феликс Вельевич в качестве основного критерия оценки реформ говорит о соответствии, адекватности типа реформ, так сказать, национальному духу. Но этот критерий как значимый возможен в том случае, если принятие реформ является свободным решением. Конечно, в ответ на некоторые вызовы, но тем не менее решением, соответствующим бытовой модели. Существовал ли такой момент выбора в начале 90-х годов? Как показано в недавно вышедшей книге¹⁴ Егора Тимуровича Гайдара,

---

¹³ Фоменко Анатолий Тимофеевич (р. в 1945 г.), проф. мехмата МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН (1994 г.); автор «Новой хронологии»; на математических расчётах и анализе общих черт исторических событий разных эпох утверждает, что общепризнанная хронология исторических событий в целом неверна. Отвергается научным сообществом, ряд академиков РАН разных научных направлений квалифицировали «Новую хронологию» как лженауку.

¹⁴ «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории». М.: «Дело», 2005.

Фото И. Войниловича

В. Л. Тамбовцев

выбора-то никакого не было. Осуществления реформ никто не планировал. Просто благодаря ранее принятым решениям в области сельского хозяйства в стране элементарно нечего было есть. В такой ситуации надо было что-то делать, и что смогли, то и сделали. Уже потом, когда кризис миновал, появились некие возможности выбора. Благодаря чему? Да благодаря тем самым либеральным, неправильным, не соответствующим национальному духу и т.д. решениям

Сейчас обсуждается вопрос о принятии закона, в соответствии с которым вводятся ограничения в торговле. С моей точки зрения, самый важный закон о торговле, который был принят в течение последних 20 лет, это указ Бориса Николаевича Ельцина о свободе торговли. После этого указа угроза голода куда-то ушла. А что может быть более либеральным, чем свобода торговли? Ни тебе санинспекций, ни пожарных, ни чего-либо ещё. Я думаю, многие помнят время, когда на улицах в центре Москвы строем стояли чем-то торгующие люди. Противоречило духу? Да. Но выжили? И это тоже — да. Поэтому оценивать реформы 90-х годов с точки зрения соответствия менталитету или иным инвариантам культуры (дело не в названии, дело в том, что они, безусловно, существуют), мне кажется, не очень точным. Но после

того как вопрос о выживании уже не стоит, критерии отбора реформ становятся решающе важными. Внешние вызовы, конечно, существуют, но они не смертельны, а вопрос, на чём основываются те или иные преобразования, на каких критериях отбора, становится действительно значимым.

Я не знаток истории, я могу ошибиться, но мне кажется, что реформы Екатерины принимались в условиях, когда смертельная опасность стране не угрожала. Не было такой опасности, как в 1989 г. Поэтому переход от одной модели взаимодействия к другой модели взаимодействия оказался неожиданно успешным. Там, где принимается решение не в условиях отсутствия фактической возможности выбора, «вдруг» оказывается, что смена типов взаимодействия власти и гражданина приживается. «Появилось общество, — я цитирую Феликса Вельевича, — ответственных граждан». А сейчас не время для постановки вопроса о появлении «ответственных граждан»? Но так вопрос никто не ставит, мы наблюдаем, к сожалению, ровно противоположное движение — в сторону от ответственных граждан. Какие ответственные граждане, когда...

Е.Р. Арензон

Вопрос реформ решали сами граждане или кто-то за них решал?

В.Л. Тамбовцев

В реформах Екатерины вопрос решали не граждане. Вопрос решала Екатерина, а граждане с удовольствием с этим согласились и стали ответственными. По крайней мере, им никто не мешал. Я не историк, могу ошибаться, но у меня сложилось такое впечатление.

Вывод отсюда такой: если решение всё-таки принимается обдуманно, не в условиях цейтнота, не в условиях фактического отсутствия возможности выбирать, — нет принципиальных запретов выбирать действия, способные изменить сложившиеся глубинные стереотипы поведения.

Два слова по поводу связки институтов, блокирующих развитие страны, о которых говорил Александр Александрович, — крепостного права и самодержавия. Конечно же, эти институты чрезвычайно удобны. Кому? Тем, кто получает от этого выгоды. Но будут ли эти институты столь же эффективными для тех, кому они выгодны в условиях, когда основная выгода создаётся, грубо говоря, с помощью иных ресурсов? В стране, с которой мы любим себя сравнивать, человек, прикреплённый к земле, мог бы оказаться в крайнем меньшинстве: в сельском хозяйстве США работает 3% всего населения, в промышленности — 20%. Все остальные — три

четверти населения — заняты в сфере, к которой очень тяжело кого-либо прикрепить. В этой сфере даже нет рабочих мест в общепринятом смысле, там можно работать, если у вас есть компьютер со спутниковой антенной, везде — на берегу моря, в казарме, где угодно. Эта сфера — сфера различных услуг. Продуктивен ли механизм закрепления работника за чем-то при такой экономике? Ответ лежит на поверхности. Поэтому, с моей точки зрения, — оптимистической, — существование сцепки крепостного права (т.е. прикрепление работника к средству производства) и самодержавия имеет естественные исторические границы. Спасибо научно-техническому прогрессу.

С.П. Капица

Интернет и мобильный телефон противодействуют тенденциям закрепощения.

Ф.В. Разумовский

Позвольте по свежему следу сделать две небольшие реплики.

Александр Александрович поднял чрезвычайно важный вопрос по поводу договорного сознания и отсутствия такового в России. Он упомянул действительно блестящую статью Лотмана, касающуюся фундаментальной формы культуры, встроенной в эту самую топику. Я хочу уточнить, поскольку знаю эту статью практически наизусть, Юрий Михайлович (Лотман. — *Ред.*) констатирует, что в России никогда никакого договорного сознания не было. При Петре представители всех сословий обязаны были служить. Если дворянин по каким-то причинам покидал службу, он тут же лишался поместья.

Дело в том, что различные договора или «докончания» существовали и до Петра, и во времена Петра, но только это практически не работало. В России договорное сознание нормально работает, когда есть, что называется, духовный авторитет, как это было в Новгородской боярской республике. Если совсем просто, скажем, есть в Новгороде епископ, которому доверяют все граждане Новгородской республики, — договорное сознание работает. Если этот институт нравственного или духовного авторитета убрать, — договорное сознание не работает, работает какое-то другое сознание, которое называется «вручение себя». Но хотим мы того или не хотим, в России договорное сознание отсутствует.

Как следствие этого, в России не было так называемого пауперизма, обнищания, т.е. у нас не было нормального капитализма. В этом была про-

блема столыпинских реформ. Как только человек в деревне оказывался за бортом и становился нищим, община ему помогала. Вытерпеть, когда кто-то рядом буквально погибает и остаётся за бортом жизни, русский человек не может. Вопрос, который я, к сожалению, не затронул, — это реформы как исправление жизни. Это русский принцип, от него мы никуда не уйдём.

Небольшое дополнение к выступлению Виталия Леонидовича по поводу вынужденности реформ 90-х годов и т.д. В 1992 г. выходит указ о роспуске колхозов. Смысл указа состоял в том, что где-то в начале мая (указ вышел, как я сейчас помню, в марте) новую посевную в России должны будут проводить свободные фермеры. Но дело только в том, что у нас вообще нет традиции фермерства. Кто знает историю русского крестьянства, может предполагать всё что угодно (артель и т.д.), но ввести фермерство даже Столыпину практически было не под силу. Необходимость такого указа в 1992 г., который ничего не решал, совершенно сомнительна. Его появление говорило только о том, что мы не знаем народ, жизнь которого начинаем реформировать, и нам вообще всё равно, как он на это реагирует, как живёт и что считает хорошо, а что плохо.

С.П. Капица

Я попрошу выступить Иосифа Евгеньевича Дискина, сопредседателя Совета по национальной стратегии.

И.Е. Дискин

Положения, предложенные в исходном докладе, — точка зрения нравственно чувствительной части общества на происходящие общественные изменения. Эту позицию характеризует перенос наших сегодняшних нравственных и политических представлений на события прошлого. Такая точка зрения крайне важна. Она позволяет увидеть огромную дистанцию между критериями, существующими сегодня и действовавшими в прошлом. Без такой точки зрения никакая оценка происходящего невозможна.

Но можно ли ограничиться такой точкой зрения и без критики принять предложенные критерии? Нужно отдавать себе отчёт в методологической внеисторичности такой позиции. В связи с этим меня удивило вменение уважаемым мною докладчиком сегодняшних исторических, скорее, идейно-политических представлений в оценке событий прошлого. В своей телепередаче, которую я очень ценю, Феликс Вельевич

с историческим временем обходится более бережно, чем в сегодняшнем выступлении.

Также трудно принять разделение реформ на деспотические, либеральные и национальные. Национальные реформы часто были очень деспотичными. Например, крещение Руси. Что в условиях России можно называть либеральными реформами, если абстрагироваться от самоназваний их инициаторов, — трудно сказать определенно.

При всём несогласии со многими положениями доклада хотелось бы поддержать важную мысль, которая заботит автора и в его телепередаче: необходимо прояснить специфику российских преобразований. Без такого серьёзного прояснения мы в своём развитии будем раз за разом наступать на одни и те же грабли.

Специфика российского развития состоит в том, что наша страна последние три с половиной века посвятила силовой реализации идейно вдохновлённых проектов. Это очень специфический тип общественного развития, когда сначала на основе некоторой идеи умозрительно конструируется институциональная среда, а потом под эту институциональную колодку силком подгоняется вся социальная жизнь. Вполне очевидно, что этот путь развития кардинально отличается от прагматичного решения проблем, осознаваемых обществом, вернее, его активной и образованной частью. Тогда институты — продукт осознания практики. Их становление облегчает жизнь и не требует жёсткого насилия. Более того, активно поддерживается.

В других странах также использовалось силовое воплощение идейно вдохновлённых проектов. Даже чаще, чем это кажется на первый взгляд. Многие из того, что сегодня нам представляют в качестве продукта «естественного» развития, — результат таких проектов. Но в других странах шло чередование идеологических и прагматических оснований развития. У нас же преобладали идейно вдохновлённые проекты.

Вашу озабоченность, Феликс Вельевич, в какой мере население становится жертвой реформ, я полностью разделяю. Только проблема в том, что называемые Вами деспотические реформы — это насилие, реализуемое в ответ на активное сопротивление искусственно насаждаемым институтам. Более того, чем сильнее был разрыв между требованиями придуманных институтов и реалиями практической жизни, тем больше требовалось насилия, тем больше было жертв.

Когда же речь идёт о том, что Вы называете либеральными реформами, — давайте вспомним модельный пример. Самый либеральный проект либе-

И. Е. Дискин

ральной реформы — это, конечно же, «Наказ» Екатерины II¹⁵. Но все, кто читал материалы обсуждения этого «Наказа», хорошо помнят высказывания наиболее активных слоев и групп населения по поводу того, что такое либерализм. Либерализм, свобода дворян в их представлении — резкое усиление крепостного права. Это сильно отличает Россию от других государств.

Возникает вопрос, почему Россия отличается таким типом развития, почему следование курсу идейно вдохновлённых реформ является специфическим отличием России? Существуют разные объяснения — я предлагаю следующее.

---

¹⁵ Философско-юридический трактат, руководство для депутатов «Комиссии об уложении» 1767 года, написанное императрицей Екатериной II.

Я объясняю эту специфику, во-первых, очень высоким статусом идеологии. Действительно, в нашей стране сложился очень высокий статус тех, кто вёл активный поиск путей к всеобщему счастью или спасению души. Часто эти пути смешивались или перекрещивались. Но в обществе прочно утвердилось представление, что «правильная» жизнь может быть построена лишь в соответствии с «правильной» идеей. Главная проблема развития переместилась из области анализа социальной практики, выявления актуальных проблем развития в жёсткую борьбу за выбор идеологии, которая должна стать основой этого развития. Развитие приняло доктринальный характер, лишаясь своего практического содержания.

Во-вторых, в силу определённых исторических обстоятельств институты в России слабо базировались на этических основаниях. Роль и значение этических оснований для успешного функционирования социальных институтов хорошо известны со времен М. Вебера¹⁶. Одна из острых проблем российского развития (об этом много писали великие русские философы) заключалась в том, что церковь мало влияла на общественную мораль. Последний шанс на изменение ситуации был упущен как раз в царствование Алексея Михайловича¹⁷.

Когда мы говорим о развитии, надо разделять нормативные, декларируемые ценности и ценности как реальные регуляторы активной социальной жизни. Когда Вы (Ф. Разумовский. — *Ред.*) говорите о «Задонщине» и «Войне и мире», речь идёт о нормативных ценностях. Но важно посмотреть, как люди вели себя на самом деле. В оценке реформ меня в первую очередь волнует, в какой мере нормативные ценности становятся эмпирическим регулятором. Как только жёсткость религиозного напряжения была снята в результате никоновских реформ, декларативность нормативных ценностей усиливается. Заветы церкви всё менее и менее служили наставлениями в практической жизни. Институты всё больше лишались нравственной опоры. Недаром «либеральное» екатерининское дворянство считало Павла Петровича, стремящегося к соблюдению законов и порядков, деспотом.

Кстати, Виталий Леонидович, не вполне верно, что раньше не существовало социологии. Массовых исследований действительно не было.

---

¹⁶ Вебер Макс (1864–1920), немецкий философ, социолог, культуролог.

¹⁷ Алексей Михайлович (Тишайший) (1629–1676), второй русский царь (1645–1676) из династии Романовых, при котором произошёл раскол Русской Православной Церкви.

Но это ведь не единственный социологический метод. Не менее значим и метод включённого наблюдения. Существует большая мемуарная литература, отражающая функционирование социальных институтов рассматриваемого периода. Существуют также профессиональные наблюдения, как вели себя люди на практике. Собственно, письма «Из деревни» Энгельгардта¹⁸ и были эмпирическим наблюдением профессионального, хорошо образованного социолога поведения пореформенных крестьян. Надо сказать, эти наблюдения сильно противоречат тому, о чём писали великие русские философы. Энгельгардт подробно обосновывает глубокий индивидуализм русского крестьянина и подробно описывает этические нормы, которыми в действительности руководствовались крестьяне.

Ф.В. Разумовский

А «хождение в кусочки»¹⁹ — какой же это индивидуализм?

И.Е. Дискин

Энгельгардт показывает, кто «ходил в кусочки». «В кусочки» ходили женщины и дети. Это был специально выделенный сегмент социальной помощи, которая всегда основана на иных этических принципах, чем основная жизнь. Но вспомните, что Энгельгардт говорил о социально активной жизни мужиков, об их организации труда, о том, как мало они полагались на универсалистские ценности. На семейные — да, но не на абстракции. Это длинный разговор, а времени, к сожалению, мало.

Если согласиться с моим определением специфики российского развития, то крайне важен ответ на вопрос о причинах такого высокого статуса идеологии, механизмах его поддержания. Почему каждый раз у нас возникала идейная вдохновлённость то национальным величием, то либеральными ценностями? А потому что в России в отсутствие слабой этической регуляции со стороны церкви сложился специфический субъект, претендовавший на нравственное лидерство и в силу этого ге-

---

¹⁸ Энгельгардт Александр Николаевич (1828–1893), российский агрохимик, писатель-публицист; по совету М.Е. Салтыкова-Щедрина «изобразить современное положение помещичьего и крестьянского хозяйства сравнительно с таковым же до 1861 г.» написал 12 писем «Из деревни» (с 1872 г.).

¹⁹ Древние русские традиции «помочи», «хождение в кусочки» — бескорыстная помощь нуждающимся.

нерировавший идеологические проекты в России. Этот субъект называется «русская интеллигенция», который стал квазицерковным институтом с соответствующей иерархией ценностей. На эту тему со времён «Вех» существует большая литература. Именно русская интеллигенция задавала нравственные рамки для всей общественной жизни. Это признавали даже те, кто стоял по другую сторону баррикад. Недаром среди корреспондентов «Колокола» было немало представителей самых что ни на есть верхов.

Нравственное доминирование интеллигенции сочеталось с принципиальным противостоянием действующей власти. Можно сказать, что первая заповедь «интеллигентской» религии — «нет власти аще не от дьявола». Это доминирование и определило пространство политической борьбы. Даже те, кто пытался противостоять нигилизму, вынужден был прежде всего бороться на идеологическом фронте, так как без победы на этом фронте обесценивались любые практические достижения. Но доминирование радикальной интеллигенции практически не оставляло шансов на успех каким-либо преобразованиям. Так, успехи земского движения были оплётаны народниками. Реформы П.А. Столыпина были ошельмованы совместными усилиями левых и дворцовой камарильи.

В чём ещё моё несогласие с докладчиком (я говорю тезисно), — мы говорим о разных Россиях. Уважаемый докладчик оперирует не той Россией, которая существует сегодня. Это довольно распространённая тенденция — переносить в сегодняшний день некий мифологизированный образ традиционной России. Той традиционной России, о которой говорил Феликс Вельевич, практически нет. Мне кажется, что и раньше-то не было, но сегодня, как показывают практически все исследования, её нет уж точно.

Сегодня другие механизмы социального действия. В их основе индивидуальный рациональный выбор, внутренние мотивации. Здесь наше качественное сродство с Западом. Да, мало социальной ответственности, и в этом наше отличие от западных моделей. Сегодня Россия самая индивидуалистическая страна современной Европы. Сложились слои и группы населения, поведение которых во многом совпадает со специфически американскими моделями социального действия.

Не учитывая эти факторы, вести разговор об оценке и анализе реформ, на мой взгляд, очень опасно. Здесь велика вероятность кардинально неверной оценки происходящего. Прежде всего можно не увидеть пози-

тивные перемены, которые произошли в нашей стране наряду с гигантскими издержками: рост инициативы и предприимчивости, прагматизма и реализма.

Очень важно обратить внимание на следующий парадокс. Современные критики западничества заявляют о своей заботе о величии России. При этом они не желают видеть огромные произошедшие перемены, создающие бездну проблем, но одновременно открывающие и новые возможности для России. В результате такого подхода утрачивается единственный реальный путь к новому величию нашей страны. Такой патриотизм с завязанными глазами не менее опасен, чем прямое капитулянтство.

С.П. Капица

После выступлений историков, экономистов, политологов я попрошу поделиться мнением юриста — Владимира Борисовича Пастухова, научного руководителя Института публичной политики и права.

В.Б. Пастухов

Обычно, когда нечего сказать, я говорю: давайте порассуждаем. Поэтому я хочу порассуждать.

Я хочу отметить, что в постановке вопроса о реформах в России присутствует какая-то мистика — болезненное акцентирование, чувствительное восприятие темы. Так, на Западе реформы происходят постоянно, но посмотрите, там на книжных полках немного литературы о них. В России же вопрос о реформах просто «заводит». Даже наша дискуссия сегодня отличается по остроте от многих других, эта тема задела нас. В этом есть какая-то загадка. Мне кажется, одна из причин этого состоит в странной черте русских реформ — их принципиальной незавершённости. Незавершённость выглядит как сущностный признак реформ. И мы так тщательно обсуждаем эту тему именно потому, что никак не можем найти позитивных примеров. На этом фоне реформа 1861 г. выглядит, как Эверест, поскольку тогда вроде бы что-то было завершено, и мы всё время к этому обращаемся.

Выскажу мысль, которая, наверное, прозвучит парадоксально. Мне кажется, что одна из причин этой постоянной принципиальной незавершённости российских реформ состоит в их недостаточном радикализме. Хотя, казалось бы, должно быть всё наоборот. При этом действительный радикализм не надо путать с

Ж клуб

Нижинский

Фото И. Войниловича

Б. В. Пастухов

ложным, поверхностным радикализмом. Нашим реформам почти всегда не хватает реальной глубины. Те же реформы 90-х годов: потрясти общество — это не значит осуществить глубокую реформу. Потрясти общество, наоборот, можно реформой поверхностной и недостаточной, а шуму наделать — на три революции хватит.

Сколько было сказано о гайдаровских реформах! Прошло 20 лет, и что мы видим: по частям восстанавливается скелет советского общества в отношении собственности, в менталитете, в политике. Мы видим, как начинают проступать основы того, хорошо знакомого нам общества, с которым мы вроде бы расстались в начале 90-х. Реформы, как правило, оказались неглубоки. В то же время мы настолько привыкли к тому, что наши реформы неглубоки, что компромиссность,

расплывчатость стали зачастую считать признаком, характерным для реформы и отличающим её от революции. Если произошедшие изменения были, мягко говоря, «ни вашим, ни нашим» — это реформа, а если круто всё перетряхнуло — это революция. На самом деле, видимо, граница проходит в какой-то другой плоскости, потому что реформа — это всё-таки попытка сознательного воздействия на процессы, в противовес революции, где эти изменения происходят преимущественно стихийно. Если смотреть на реформу как на нечто, отличающееся от революции не по результату, а по способу действия, то, мне кажется, существуют три причины, по которым реформы в России не завершаются.

Первая причина — это несмелость русской мысли. Наша вечная недодуманность, неглубокость, боязнь интеллектуализма, боязнь доводить рассуждения до конца, о чём так много писал В.О. Ключевский. Наши реформы отличаются, как правило, недодуманностью. Мы говорим: «а, б» — и на этом останавливаемся, но букв в алфавите намного больше. Мы вводим налоговую ставку 13%, при этом «забываем» либерализовать валютный рынок, в результате всё проваливается, налоговая реформа из-за недоделанности провисает и обесценивается. И таких примеров — миллион.

Вторая причина — слабость государства, совпадающая, как правило, с началом реформ. Когда же есть додуманность, и реформа происходит при сильной власти, наверное, и реализуются национальные проекты (я вздрогнул, когда докладчик произнёс: «национальные проекты», но потом понял, что речь идёт немного о другом). Правда, мне кажется, что в России и антинациональные проекты тоже иногда бывают эффективными.

Наконец, последнее. Есть третье условие, необходимое для завершения реформ: реформа должна быть адекватна вызову, поставленному перед обществом. Для меня очень актуальна проблема «культурных топиков», о которой здесь много говорили. Конечно, юристов может обидеть каждый: их упрекают в том, что они вроде бы не видят неформальных правил. Но как юрист могу сказать, что мы-то как раз видим, что в обществе всё регулируется именно неформальными правилами, а эти неформальные правила идут от культурной традиции. Мы другого не можем понять — как с этим бороться?

Что делать, если эти «культурные топики» служат тормозом развития, т.е. являются как раз тем, что и должно быть реформировано в первую оче-

редь? Вопрос для меня неразрешимый, я не знаю ответа. Реформируема ли культура или её изменение может произойти только стихийно в результате революции? Или всё-таки, когда культура становится определённым тормозом для развития и выживания, то реформа должна идти настолько далеко и радикально, чтобы попытаться затронуть основы этой культуры и поменять их?

С.П. Капица

Вы затронули важные вопросы. Отсутствие политической воли приводит к тому, что у нас всё большую роль играют всевозможные манипуляции, в первую очередь со стороны средств массовой информации. Сейчас мы больше разрушаем нашу культуру, чем опираемся на неё в процессе реформ. Происходит разрушение того, что связывает культуру вообще, — норм, морали, законности и т.д. Это крайне затрудняет всякое разумное поведение в обществе.

Далее выступит Аполлон Борисович Давидсон, профессор ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.Б. Давидсон

Я, очевидно, как и все мы, благодарен, что Никитский клуб снова обратил внимание на наше историческое прошлое и его связь с настоящим.

Мне был также интересен Ваш доклад, Феликс Вельевич, но я хочу сказать следующее. На протяжении всего доклада Вы использовали выражения: «русские», «русская идеология», «русские реалии», «русское сознание» и т.д., и кризис опять же «русского почвенничества». Если исходить из того, что мы обсуждаем вопрос о русском национальном государстве, и оно таковым было всегда или, может быть, мы думаем, что оно таковым будет в будущем, — тогда всё правильно. Но я хочу напомнить слова Витте²⁰ о том, что такого государства, как Россия, не существует, есть Российская империя, и он доказывал это в своих воспоминаниях. С этим можно не согласиться, но Витте — человек, над любыми словами которого стоит задуматься.

---

²⁰ Витте Сергей Юльевич (1849–1915), российский государственный деятель. Почётный член Петербургской АН (1893), министр путей сообщений, финансов, председатель Кабинета министров, Совета Министров (1905–1906). Разработал основные положения столыпинской аграрной реформы. Стремился привлечь предпринимателей к сотрудничеству с правительством.

Далее я хочу также напомнить слова православного философа Федотова²¹, которого очень люблю, считавшего, что раскол государства в 1917 г., отделение всех западных частей и пр. произошло из-за ошибочных реформ и политики Александра III, Николая II, а затем политики Сталина. И в 1947 г., т.е. сразу после Второй мировой войны, Федотов писал, что Советский Союз распадётся, будет существовать Россия, но от неё отпадёт донецкий уголь и бакинская нефть; дай бог, чтобы Россия не лишилась Сибири.²²

Федотов считал, что русскую интеллигенцию интересовали проблемы империи только до времён Пушкина. После этого интерес русской интеллигенции к самой империи и её проблемам как-то угас. Федотов обвиняет моего любимого историка Ключевского в том, что даже Ключевский не уделял внимания вопросам империи²³. В результате в 1917 г. в стране произошёл распад. В результате того же в 1991 г. произошёл второй распад.

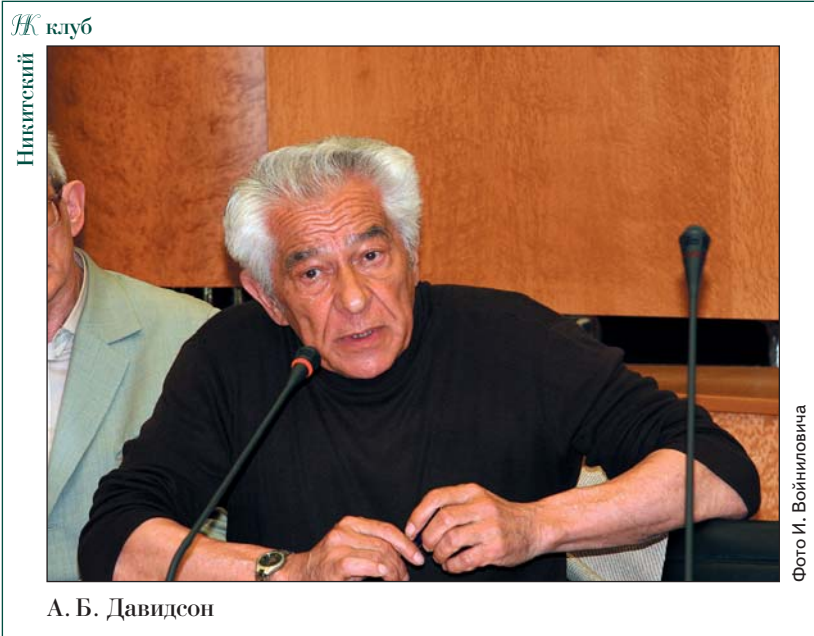
Сейчас у нас достаточно сильно проявляется имперское сознание. К чему это может привести? Самое страшное, о чём мы можно подумать, — это третий распад нашей страны. Я очень хочу, чтобы этого не случилось. Но если мы будем исходить из того, что у нас «русское национальное государство», — распад, очевидно, всё-таки будет неизбежен.

---

²¹ Федотов Георгий Петрович (1886–1951), русский философ, публицист, историк культуры, основоположник богословия культуры. В исследованиях и многочисленных эссе анализирует своеобразие русской культуры и истории, место России между Востоком и Западом, основные культурно-исторические типы русского человека.

²² В статье «Судьба империй» (впервые напечатано в «Новом журнале», Нью-Йорк, 1947, № 17) Г. Федотов пишет: «Finis Russia? Конец России или новая страница ее истории? Разумеется, последнее. Россия не умрёт, пока жив русский народ, пока он живёт на своей земле, говорит своим языком. Великороссия, да ещё с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), всё ещё представляет огромное тело, с огромным населением, всё ещё самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть, но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живёт при коммунистической системе, уйдёт в прошлое». — <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/fedot-1.html>.

²³ В той же статье Г. Федотова: «В курсе Ключевского нельзя было найти истории создания и роста Империи».

Конечно, нам сейчас кажется, что Россия — не империя. Многие наши историки считают, что Советский Союз тоже не был империей. Есть историки, которые считают, что и Российская империя была не империей, а просто содружеством разных народов. Но если посмотреть, как к этому относятся на Кавказе, как на это смотрят татары, башкиры, — очень многие из них считают, что у нас сейчас империя. С этой точкой зрения, с этим считаться всё-таки нужно.

Мы не смогли создать СНГ. Даже среди славян получается так, что и украинцы не очень-то тянутся к нам, и белорусы. Если говорить о наших ближайших соседях, получается, что и Грузия плохая, и Азербайджан плохой, Молдавия и Польша тоже плохие, а также Чехия, Эстония, Латвия, Литва, — ну все очень плохие, одни мы хорошие. Это значит, что у нас в стране — в результате ли реформ или не реформ, как хотите, — нет умения договариваться, умения понимать других.

Почему британцам удалось создать Британское содружество наций в составе 53 государств? Они не целуются, но никто из них из этого содружества выходить не хочет. Когда, например, в Нигерии тамошние генералы повели себя не так, как надо, Нигерии погрозили пальцем (даже не

лондонское правительство, а Нельсон Мандела) и сказали: «Мы вас выгоним!» — и все сразу присмирели. Поэтому нам нужно всё-таки добиться умения понимать других.

Феликс Вельевич дважды подчеркнул в своём выступлении, что мы особенные, и ещё раз особенные. Мы настолько вбили себе в голову мысль об особенности, что уже, по-моему, это должно вызывать протест. Всё-таки, наверное, у нас есть что-то и общее с другими странами.

Сегодня говорили о гражданском обществе. Простите, зародыш гражданского общества в стране есть. Наше нынешнее собрание — один из зародышей гражданского общества. И гражданская ответственность у присутствующих есть.

Сказанное мною в целом может показаться не оптимистичным, но, как я говорил уже не однажды, по натуре я оптимист, потому что нет никакого смысла быть кем-то другим.

С.П. Капица

Вы говорили об ответственном отношении к самим себе. Родившись в Англии, я с детства помню слова, которые вбивались в голову каждому англичанину: «My country, right or wrong!» Это накладывало табу на любое самоуничужение, которое у нас стало чуть ли не национальной идеей.

Ф.В. Разумовский

Аполлон Борисович, в качестве реплики на Ваше выступление продолжу цитирование Федотова, который также говорил, что «наше национальное сознание должно быть сложным, в соответствии со сложной проблемой новой России (примитив губителен). Это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским»²⁴. То есть не нужно изымать из этой сложности отдельные элементы, хирургически отделять «русское» от «российского». И в словах «русский», «по-русски» и т.д. я имею в виду прежде всего не этническую характеристику, а принадлежность к единому социокультурному пространству, отражение многовековых традиций.

Что касается возрождения имперского сознания, о котором Вы говорите, по словам того же Федотова, опыт России здесь не так уж и плох.

---

²⁴ Федотов Г.П. «Будет ли существовать Россия?». Впервые опубликовано в «Вестнике РСХД», Париж, 1929 г.— <http://www.vehi.net/fedotov/trossiya.html>.

Федотов говорил, сравнивая те или иные империи: «...у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещённой и гуманной английской администрации в Индии. Русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере. ...И если бы мир мог ещё существовать как равновесие Империй, то среди них почётное место занимала бы Империя Российская».²⁵

С.П. Капица

Я попрошу сказать несколько слов Александра Владимировича Голубева, руководителя отдела по изучению отечественной культуры Института русской истории РАН.

А.В. Голубев

У меня два связанных между собой замечания.

В разговоре об истории реформ сегодня возник интересный момент —

---

²⁵ «Судьба империй».

реформа, когда нет другого выбора. А почему, собственно, нет выбора?

Нам известны две ситуации в нашей истории, когда не было выбора. В стране проблемы с хлебом, хлеба остаётся дня на два, городам и армии грозит голод, надо что-то делать: 1927 г., выбора нет — коллективизация!

Такого же выбора не было в 1991 г. — реформы Гайдара. Понимаете, почему я не верю господину Гайдару, когда он говорит, что выбора не было? Если бы его реформы привели к росту производства хлеба, тогда — да, это возможно. Но ведь его реформы привели к падению производства, в том числе и хлеба. Тем не менее голода не было, и хлеб появился. Следовательно, речь шла не о производстве, а о распределении хлеба, который всё же был, иначе, откуда бы он взялся, даже и в результате реформ?

Б.Г. Салтыков

Из Канады и Австралии!

А.В. Голубев

Хорошо, а почему нельзя было без этих реформ купить его в Канаде и Австралии?

Б.Г. Салтыков

Кто вам будет бесплатно хлеб давать? Казна пуста!

А.В. Голубев

Я всё-таки хочу закончить свою мысль. Для любого реформатора, помимо того что всегда есть объективные ограничения, существует жёсткая идеологическая блокировка. Сталину в голову не приходило, что хлебные трудности можно решить закупкой хлеба в Австралии и Канаде. Он его просто взял — взял тот хлеб, который был в стране. То же самое мог сделать Гайдар, но идеологически и политически он этого сделать не мог. Любой реформатор имеет перед собой широкий веер возможностей, но он сам его ограничивает своими политико-идеологическими пристрастиями.

Далее. Любопытно (сегодняшняя дискуссия это тоже показала), что, перечисляя российские реформы, мы за редчайшим исключением не находим среди них успешных. Не потому что они все были так плохи, а потому что мы очень критически относимся к результатам всех российских реформ. Оспаривается даже принятие христианства. Или, скажем, ре-

форма правописания 1918 г. — казалось бы, что тут такого страшного, но сейчас и она оспаривается. Мне кажется, это выводит нас на очень любопытные особенности культуры — об этом немного говорили сегодня.

В русской культуре очень высок даже не авторитет, а значимость власти. Наша культура ориентирована не столько на какие-то свои внутренние факторы, сколько на внешние, в том числе на власть. Поэтому и требования к власти всегда завышенные. Это, с одной стороны, развязывает власти руки: у неё большая свобода выбора, большая свобода действий, меньшая — опасности, что с неё строго спросят буквально на следующих выборах. Но, с другой стороны, это приводит к завышенным ожиданиям и росту критических настроений после любой, даже, казалось бы, успешной реформы. Это, мне кажется, необходимо учитывать.

И последнее. Прозвучал вопрос, реформируема ли культура? Да, наверное. Так, как опытный садовник может изменить направление роста взрослого дерева последовательной, длительной серией каких-то очень робких операций. Если попытаться дерево резко искривить, — оно сломается, и ничего не получится. Вот, по-моему, культура и есть такого рода дерево.

С.П. Капица

Кто-то из мыслителей сказал, что управлять человеком можно, только подчиняясь его природе.

Сейчас — слово Александру Григорьевичу Механику, обозревателю журнала «Эксперт».

А.Г. Механик

Я не историк и не экономист, поэтому мне трудно судить о прозвучавших сегодня исторических сравнениях. Но я бы хотел выразить своё мнение о реформах 90-х годов. На мой взгляд, это были не реформы — это была революция и постреволюционные реформы.

В Китае сейчас действительно происходят реформы, потому что сохраняются институциональные основы общества. Там внутри традиционных ещё с имперских времен и коммунистических институтов осуществляются очень медленные внутренние изменения, в ходе которых власть старается постепенно менять в том числе и себя.

В России же в 1991 г. произошла именно революция. Государство не только распалось, произошёл слом всех институциональных основ его

А. Г. Механик

существования. Кроме того, искусственно стимулировался такой институциональный крах, как расформирование колхозов. Периодом революции можно считать где-то 1991–1993 гг., который закончился мини-гражданской войной. И только после этого в обстановке всеобщего краха, можно сказать, начались реформы.

Гайдаровские реформы 1991 г. нельзя назвать реформами. Это были судорожные попытки действительно в условиях революционного краха осуществить некое управление. Тот же указ о торговле, какие-то меры по завозу хлеба — это всё нельзя назвать реформами. Это только попытки спасти ситуацию в условиях общеинституционального краха. И после того, как более или менее стабилизировалась ситуация, начались собственно реформы — приватизация, всё ещё продолжающаяся аграр-

ная реформа, сейчас начинающаяся реформа жилищно-коммунального хозяйства. Сложность заключается в том, что эти реформы проводятся в условиях, когда значительная часть общества полностью деморализована предыдущим крахом.

Приведу пример или, скорее, притчу — как журналист, я больше люблю притчи. Сейчас в рамках реформы ЖКХ решено срочно, вдруг, на ходу, как всегда у нас, повсеместно создавать так называемые «товарищества собственников жилья». Такой реформы, чтобы все вдруг стали владельцами собственных домов, нигде в мире не проводили. Нет страны, в которой всё население записано в «товарищество собственников жилья». Эта реформа сама по себе безумна, но я о другом. Я уже много лет живу в своём доме, и мне стали в панике звонить люди, живущие в том же доме, с вопросом: «Что делать? Катастрофа, мы не знаем, что предпринять!» Я встретился с одной своей соседкой. Она пожилая уже дама, пенсионерка, довольно энергичная. Я ей говорю: «Может, вы возьмётесь и начнёте что-то организовывать?» На что эта дама мне отвечает: «Поймите, я деморализована всей предыдущей жизнью, и все мы не в состоянии воспринять то, что нам сейчас предлагают!»

Здесь говорили о культурном контексте. Да какой «культурный контекст», когда значительная часть общества вообще выпала из жизни и из культурного контекста в том числе!

Реплика из зала

Такого не бывает.

А.Г. Механик

Бывает. Другая значительная часть общества выпала по-другому — она превратилась в асоциальную группу, людей, не воспринимающих вообще никаких ограничений. Произошла обвальная десоциализация.

Еще где-то в 1989 г. я задумался об удивительном феномене — всё возрастающем числе людей, проезжающих на красный свет. Причём это росло по экспоненте, и к началу 90-х стало массовым явлением. Вечерами просто было опасно ездить. Это и есть одно из проявлений массовой асоциальности, которую теперь с трудом пытаются загнать в какие-то рамки.

Я хочу сказать, что всё это результат не реформ, а краха — краха, который можно сравнивать, скорее, с революцией 1917 г. И ясно, что усиление авторитарных тенденций в значительной мере связано с реакцией

и элиты, и общества в целом на ситуацию, в том числе морального краха. Мне кажется, это бесспорно.

Какой выход? Во-первых, я не верю, что можно быстро поменять культурные институты или культурное состояние общества. Я вообще уверен, что это невозможно сделать. Культурные основания меняются десятилетиями. К примеру, пресловутое пьянство в России — это ведь в значительной мере и культурная проблема. В Швеции была аналогичная ситуация в XIX в. Борьба с пьянством там заняла где-то лет пятьдесят. На протяжении этого времени появилось несколько крупных общественных течений — религиозных и светских. Эти течения, возникшие на почве борьбы с пьянством, прежде всего в рабочей среде, трактовавшейся как борьба за достоинство рабочего человека, объединились с марксистами и создали социал-демократическую партию Швеции. Потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы эта партия, выдвинувшая в качестве одной из своих задач культурное преобразование рабочего класса и всего общества, поборола это явление.

Поскольку нам предстоит ещё весьма серьёзные изменения в культурных основах общества, то надо: а) задуматься об этом серьёзно; б) подготовить для этого разного рода организационные процедуры; в) просчитывать свои действия на много десятилетий вперёд. А не так, чтобы сделать всё за раз, полагаясь на какие-то изменения одного или даже нескольких законов.

С.П. Капица

Я с Вами согласен и полностью разделяю Вашу точку зрения. Но опять-таки всё сводится к выводу об ответственности управления, власти, поскольку контуры нашей жизни, по-моему, определяются принципом «Васька слушает да ест». Правда, пока есть что есть.

Следующий выступающий — Игорь Григорьевич Яковенко, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

И.Г. Яковенко

У меня несколько частных замечаний по поводу стиля подачи материала или стиля мышления, представленного в докладе.

Скажем, когда я слышу, что медики пришли к выводу о тяжелом состоянии русской души, я себя спрашиваю: русская душа — это медицинская категория? Или это некая метафора? Что-то здесь не очень укладывается. Национальные проекты в эпоху Андрея Боголюбского для

меня тоже вещь парадоксальная. Нация возникает веков через шесть после Андрея Боголюбского. Или — о нигилистах. По-моему, нигилисты появились до Великих реформ. А как быть с петрашевцами²⁶? Это было заведомо до реформы, а явление вполне укладывается в Вашу (Ф. Разумовского.— *Ред.*) логику. Но это частные замечания, и проблемы-то заключаются не в этом.

В докладе было представлено два момента: некоторая идеология, т.е. ценностная позиция, с точки зрения которой рассматривается феномен русской истории и находятся какие-то основания для каких-то суждений о том, как и что стоит или не стоит делать, а также некоторая методология, исследовательский аппарат. Я спрашиваю себя: что бы сказал Феликс Вельевич с позиции этого исследовательского аппарата и этой ценностной методологии в ситуации, примерно, 1015 лет назад по поводу реформы князя Владимира Святославовича²⁷? Как эта реформа — крещение Руси — соотносится с культурной топикой, с неизменными формами культуры? Стоит ли менять базовые основания Киевской Руси и вводить христианство или не стоит? Такого рода парадоксализация имеет смысл, потому что ценность неизменности, будучи абсолютизированной, — это прямая дорога на тот свет, дорога в историческое небытие. Я на этом настаиваю.

Нужно понимать, что реформы происходят в тот момент, когда этого требует ситуация, и требует довольно жёстко. Осмысление истории человечества привело меня к убеждению, которое я бы сформулировал так: никто никогда не меняется от хорошей жизни. Изменения — вещь в достаточной степени болезненная, тяжёлая, и перемены происходят под давлением исторического императива. Так вот реформы, во-первых, происходят, когда этого требует ситуация и когда элита созрела до понимания их необходимости и неотложности. Население же, общество чаще всего в той или иной мере не готово к реформам. В этом смысле конфликтность — вещь имманентная для реформ, нормальная и естественная.

---

²⁶ Общество разночинной молодёжи в Санкт-Петербурге (конец 1844 — начало 1849 гг.).

²⁷ Владимир I Святославович (956–1015) — князь новгородский с 969 г., князь киевский с 980 г.; в 988–989 гг. ввел в качестве государственной религии христианство.

И. Г. Яковенко

Давайте проговорим что-то для себя, называя вещи своими именами. Цели любой реформы — это самосохранение общества и культуры. Есть, например, некая социокультурная целостность — китайцы, русские, румыны. Иногда, чтобы сохраниться на Земле этой целостности, чтобы с внуками говорить на понятном языке и быть с ними контекстуально связанными, надо проводить реформы. Мы с вами живём в мире, который, по большому счёту, переходит от традиционного общества, имманентно статичного или экстенсивного, к обществу имманентно динамичному. Это огромный переход. Он охватил весь земной шар.

Я утверждаю, что русская культура, российская цивилизация (я готов пользоваться этими терминами) по своей природе имманентно статична. Она может быть либо статичной, либо демонстрировать экстенсивный тип развития. (Это моё глубокое убеждение, основанное на некотором анализе; его можно оспаривать, но это — тема для разговора.) А это означает, что переход к имманентно динамичному состоянию требует либо замены культурной топки, либо существенной её коррекции. У нас есть альтернатива: мы можем остаться при своей культурной топике...

Ф.В. Разумовский

Это невозможно.

И.Г. Яковенко

...и вместе с ней уйти в небытие, либо можем пережить существенную коррекцию топики. А насчёт возможности — знаете, римляне были язычниками, а стали христианами и существенно поменяли топику, но при этом остались римлянами.

К.Д. Лубенченко

Римляне исчезли. Генофонд исчез.

И.Г. Яковенко

Это уже потом. Они до исчезновения еще довольно долго поскрипели.

И.Е. Дискин

Исчезали, между прочим, еще лет 400, а кроме того, остались по сию пору. Есть прекрасная формула: европейцы — это те, для кого падение Рима и сегодня является проблемой. Спор о том, почему пал Рим, идёт до сих пор. Поэтому «Рим исчез» — это очень спорное суждение.

К.Д. Лубенченко

Римляне были уничтожены как нация.

С.П. Капица

Коллеги, мы не решим сейчас эти проблемы. Давайте сосредоточимся на России. Следующий выступающий — Николай Иванович Кротов, генеральный директор АНО «Экономическая летопись».

Н.И. Кротов

Во-первых, небольшое возражение Игорю Григорьевичу. Я хотел бы отметить, что мы говорим постоянно о реформах 90-х годов, а надо говорить всё-таки о реформах конца 1980-х–1990-х гг. Через месяц исполнится 20 лет знаменитому июньскому пленуму, после которого появился целый пакет документов по экономической реформе. А в 1987 г. такой уж критической ситуации, требующей проведения реформ, может быть, и не было. Тем не менее реформы были запущены — глобальные реформы и весьма странные. Появились законы о государственном предпри-

Н. И. Кротов

яти, о кооперации, другие коренные законы, которые были приняты до формулирования концепции реформы.

Во-вторых, я хотел бы возразить Иосифу Евгеньевичу. К сожалению, на мой взгляд, наша проблема не в том, что у нас слишком высокий идеологический статус реформ, а наоборот, в том, что реформы в последнее время полностью лишены всякой идеологии. Я говорю о современных, последних реформах конца XX в. Константин Дмитриевич Лубенченко не даст мне соврать, какая невообразимая теоретическая путаница досталась в наследство, прежде всего перестроечному Верховному Совету при подготовке, обсуждении и принятии основополагающих актов.

К концу 80-х годов наша официальная общественная наука была практически разрушена, и проблема заключалась в отсутствии настоящей идеологии. Задолго до перестройки произошла трагедия национального масштаба — гибель общественных наук, заменённых религиозной по форме и утопической по содержанию идеологией. Вчерашние «твердокаменные» марксисты, защитившие свои кандидатские и докторские диссертации на беспощадной критике всего «буржуазного», почувствовав ослабление идеологической инквизиции, инстинктивно шархану-

лись в сторону от ими же воздвигнутой пизанской башни «марксистско-ленинской теории».

Неудивительно, что в борьбе идей конца 80-х годов фигурировало такое количество позиций, которые не могли быть выстроены в некую общую концепцию. Поиск путей решили произвести методом «народной стройки». Вновь появились анархисты, кадеты, эсеры, трудовики... Но не появилось ни одной серьёзной концепции, и идеология реформы не была сформулирована. Возможно, она создавалась в каких-то кабинетах, но до серьёзного обсуждения не была доведена, а значит, её не было. (Не воспринимать же серьёзно механистическую «Программу «500 дней».) Отсюда ситуация 1991 г., когда мы действительно подошли к краю пропасти, и надо было искать выходы из этого положения.

Привычка решать сложнейшую задачу путём выдвижения абстрактного лозунга в надежде, что в ходе работы неизбежно обнаружится его конкретное содержание, на этот раз сыграла с нами не просто злую, но, без преувеличения, трагическую шутку. И следующие реформаторы внесли свой вклад в развитие ситуации.

Я хотел бы высказать несколько мыслей по поводу родовых травм, привнесённых уже в 90-х годах. Они достаточно серьёзные и имеют отношение к будущему развитию.

Начнем с того, что глобальные вопросы к началу 90-х годов мы стали решать без решения главного — вопроса об отношении к собственности. Первый закон о собственности у нас появился в марте 1990 г., но почитать его — абсолютно не понятно, какие формы собственности принимаются. Поэтому в начале 90-х годов полностью отсутствовала (и это при большом количестве различных теорий) сформулированная единая позиция и по этому основополагающему вопросу. Отсюда сразу последовало множество недоразумений. В частности, все заговорили (это один из популярных вопросов конца 80-х) о борьбе с бесхозяйственностью. Это не определив-то, кто должен быть хозяином и что, собственно, понимать под «хозяином»!

Много говорилось и о правовом государстве. Но каким образом уничтожить бесправие, если неясно, что является источником права, кто должен быть его субъектом, а кто — объектом? И так — со множеством других вопросов. Но, повторяю, наверное, самое важное событие 90-х годов всё-таки связано с собственностью. Наши воспитанные на теориях «прыжка через формацию» идеологи большого скачка в рынок решили создать в России «гражданское общество» путём проведения «сплошной деколлективизации».

Чтобы показать, какими последствиями чревато неверное понимание принципов экономического либерализма, напомним один из его основополагающих догматов: «Двойственная система защиты, представляемая обладанию при различении владения и собственности,— пишет Мизес²⁸, — наиболее ярко проявляется в сущности закона как миротворца — да, миротворца любой ценой. Собственность защищается, даже если она, как говорят юристы, не является титулом. Не только честные и бесчестные собственники, но даже грабители и воры могут требовать защиты своей собственности... Мы, те, кто видит лишь функцию закона — творить мир, должны осознать, что эта функция не могла возникнуть никаким иным путём, кроме признания существующего положения дел, каким бы образом оно ни возникло. Попытки поступить иначе возобновили бы борьбу и сделали бы её постоянной»²⁹.

Российские реформаторы решили последний раз согрешить, чтобы впоследствии быть первосвященниками храма Либерализма. Но перед этим они совершили небольшой трюк, чтобы их грехопадение не так бросалось в глаза. Взяв расписку в добровольном отказе за 10 000 условных рублей от своей доли во всенародном достоянии, они «повязали» (неюридические термины здесь более подходящие) народ. Получатели ваучеров тем самым создали юридическую основу для превращения госсектора из *собственности*³⁰, то есть худо-бедно, но движущегося по макроэкономическому принципу «затраты-выпуск» хозяйственного механизма, в *имущество*, то есть набор подлежащей разделу *недвижимости*.

Такое различие разъясняет Мизес: «Социологическая и юридическая концепции собственности отличаются друг от друга. Это, разумеется, естественно, и приходится только удивляться тому, что этот факт всё ещё часто не принимается во внимание. С социологической и экономической

---

²⁸ Мизес (Mises) Людвиг фон (1881–1973), представитель неоавстрийской школы экономической мысли. Стронник неограниченной свободы конкуренции, М. отвергает всякие попытки государственного вмешательства в экономику, считая, что оно нарушает естественный процесс экономического развития. Многие положения М. подвергаются резкой критике со стороны экономистов, включая сторонников неоавстрийской школы.

²⁹ Ludwig von Mises. *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. — L: Bradford & Dickens, 1951. — P.45-46.— *НК*.

³⁰ Здесь и далее в тексте выступления — выделено автором.

точки зрения собственность означает *обладание* товарами, которые нужны для достижения целей экономической деятельности человека»³¹.

После Кромвеля³², по-моему, это первый случай обезличенной раздачи собственности. Предшественник для расплаты с армией ввёл, можно сказать на современном языке, ваучеры, используя которые, раздал, насколько я помню, землю в Уэльсе. Историю Кромвеля Вы, надеюсь, помните: роялисты извлекли его набальзамированное тело из Вестминстерского аббатства и повесили на виселице для уголовников.

Российские либералы вместо медленного и насколько возможно последовательного, как это было в Европе, пути, сославшись на незаконность национализации 1917 г. (что с теоретической точки зрения, возможно, и справедливо), разрубили гордиев узел проблем собственности: наши люди будут жить при рынке! Принятие этих исторических решений, на мой взгляд, привело к событиям с ЮКОСом и другим подобным, но более мелким национализациям, рейдерским захватам и *полному неуважению* прав собственности в стране. Поэтому это только начало — всё будет повторяться. Собственность лишилась сакральности, свойственной ей в любом настоящем либеральном обществе.

Я хотел ещё раз сказать, что нарушения, допущенные начиная с 1987 г. в глобальных вопросах, в частности в вопросах собственности, могут привести и приводят к событиям, которые мы наблюдаем в настоящее время.

«Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!» Или завтра...

С.П. Капица

Заговорили о собственности. По-моему, это пример, когда плохие законы, плохие порядки уничтожают собственно предмет своих усилий. Законы и порядки, касающиеся собственности, всякие слова об её сакральности и пр., по-моему, вызывают только отвращение у нормального гражданина современности. С этими словами нужно быть исключительно акkuratными — у меня такое впечатление.

---

³¹ Ludwig von Mises. *Socialism: An Economic and Sociological Analysis*. — L: Bradford & Dickens, 1951. — P.37.— *НК*.

³² Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658), вождь Английской революции, военачальник и полководец, государственный деятель, лорд-протектор Англии (1653–1658).

Н.И. Кротов

Я имел в виду, что собственность требует осторожного отношения к ней.

С.П. Капица

Я не Вас осуждаю, я говорю о концепции. Общественная собственность занимает сейчас колоссальное место в мире. Три четверти промышленности и других значимых хозяйственных объектов — это общественная, а не частная собственность.

Следующий выступающий — Юрий Петрович Голицын, консультант генерального директора Фондовой биржи ММВБ.

Ю.П. Голицын

Я хочу сказать несколько слов об основном докладе как историк, не растекаясь мыслью по древу, поскольку времени на выступление мало.

Если говорить о демографической ситуации и сравнивать её во времена Петра I и Екатерины II, — нельзя утверждать, что эта ситуация была вызвана теми или иными реформами. Демографический спад первой четверти XVIII в. был обусловлен прежде всего Северной войной, а прирост населения во второй половине XVIII в. — успешным присоединением территорий Екатериной II.

Что касается гражданского общества или общества свободных граждан в период Екатерины II, должен заметить, что свободными в период правления Екатерины II были только дворяне, привилегированное сословие. Горожан как третьего сословия, о чем мечтала Екатерина II, она так и не создала. Никакого документа, подтверждающего, что такое сословие было создано, не существует.

Далее я хотел бы отметить, что нельзя, как мне кажется, идеализировать русскую общину. В словах Феликса Вельевича это сегодня прозвучало, когда он, отвечая на вопрос, говорил о том, что у нас в России не было нищенства, так как русская община поддерживала разорившихся и всячески им помогала. Мне кажется, что это идеализация, потому что нищенство было. Был даже институт нищенства в России, и говорить о том, что русская община — это что-то такое, что нужно было сохранить, я не считаю возможным. Нужно помнить о том, что именно после реформ Столыпина, который, как мы знаем, разрушал, сверху разрушал русскую общину и создавал слой фермеров, хуторян, Россия перед Первой мировой войной стала основным поставщиком сельскохозяйс-

Ю. П. Голицын

твенных продуктов и практически кормила всю Европу. Нельзя сказать, что дореволюционная Россия придерживалась лозунга «Не доедим, но вывезем». Это относится к 80-м–90-м гг. XIX в., когда реформа Столыпина ещё не была осуществлена и даже задумана.

Мне кажется, что деление реформ на деспотические, либеральные и национальные всё-таки в достаточной мере условное. Вообще все реформы по определению — деспотические (авторитарные), то есть они все проводятся сверху. Снизу возникают только революции, а не реформы. В такой реформе, как отмена крепостного права, сходятся все три данных определения. А это как раз одна из тех реформ, когда и общество, и государство действовали взаимно. Кстати, сослаться на слова Фирса из «Вишнёвого сада» о неудачности данной реформы некорректно, так как Фирс был не крепостной, а дворовый, а дворовые освобождались совсем в другом порядке.

Последнее, что я хотел бы отметить и о чём у нас почти не говорят. Если вы помните схему отмены крепостного права ещё со школьных учебников, — у крестьян не было денег, чтобы выкупить землю, а помещики не хотели отдавать её бесплатно, соответственно, вмешалось госу-

дарство, установив так называемые выкупные платежи и т.д. и приняв на себя обязательство расплатиться с помещиками. Но в учебнике не было сказано, что государство расплатилось своеобразным образом (не надо забывать, что у государства тоже не было денег). Государство выпустило специальные ценные бумаги, так называемые выкупные свидетельства. Оно расплатилось с помещиками ценными бумагами, заморозив их использование на длительный срок.

И закончить же своё выступление я хочу тем, что опыт — исторический опыт реформ, особенно успешных, нужно сегодня обязательно использовать. В 90-е годы у нас, к сожалению, об этом часто забывали.

С.П. Капица

С Вашей последней фразой остаётся только согласиться.

Я попрошу сказать несколько слов Евгения Рувимовича Арензона, старшего научного сотрудника Института мировой литературы РАН, выступления которого нам всегда интересны.

Е.Р. Арензон

Как филолог хочу обратить внимание аудитории на сложную судьбу иностранного слова «реформа» в нашем общественно-политическом лексиконе. Долгое время оно было под сильным подозрением. В отрицательном смысле воспринималось слово «реформист». Так обозначали тех исторических деятелей, которые пытались что-то исправить и усовершенствовать в текущей жизни, игнорируя задачи кардинального переустройства человечества. Сомнительно-половинчатым реформам противопоставлялись классово активные революции. Осторожных реформистов вытесняли на обочину истории пламенные революционеры.

Однако на рубеже 80-х–90-х гг. ушедшего века говорить о революции в интеллигентском обществе стало неприлично. Популярность приобрело слово «возрождение». Каждый мыслящий интеллигент возрождал то, что ему было дорого. Возрождались ленинские нормы в пике сталинского тоталитаризма. Возрождались демократические установления февраля 1917 г., уничтоженные диктатурой пролетариата. Настойчиво пошли разговоры о возрождении родной почвы, корней, национального традиционализма.

Я работал тогда в Институте искусствознания, в отделе, который занимался социологией художественной культуры («культурная политика»).

Мы рассуждали о путях «возрождения», слово «реформа» в нашем рабочем языке отсутствовало. Между тем в контексте того времени призрачно существовала одна универсальная программа, отвечавшая, на мой взгляд, принципам реформизма, — «500 дней». Ведущий нашего собеседования вспомнил о ней с иронией. Не буду защищать программу, которая не была принята к действию. Скажу только, что реформа по определению обязана иметь точные календарные сроки, что она должна исходить из наличных материальных и духовно-культурных ресурсов общества и целью своей иметь модернизацию общепонятных механизмов социального взаимодействия, а не сознательную их ломку.

Пафос возрождения ставит во главу угла политическую волю по утверждению некоей идеальной цели, непременно соответствующей всемирному прогрессу. Самосознание «возрожденчества» по существу всегда революционно, хотя радикальная лексика старательно избегается.

Напомню, что многогранная деятельность Петра Великого (оцениваемая с большой исторической дистанции) часто определяется как возрождение древнего русского европеизма, уничтоженного нашествием азиатских номадов. Но опозитизированный акт прорубания окна в Европу рассматривается, как правило, без учета и анализа всех далеко идущих последствий разрушительных (вовсе не европейских) методов царя-преобразователя.

Шоковая торопливость Гайдара (называю это имя исключительно как знак перестроившейся перестройки) — это теоретически обоснованное возрождение капитализма методами неафишированного революционного правосознания.

В годы, о которых преимущественно идёт наш разговор, я в силу определённых своих исследовательских интересов много читал русскую периодику Первой мировой войны. И вот что меня удивило: когда в Восточной Пруссии и Галиции шли бои, успешные для России, когда не было ещё никаких признаков её экономического (тем более политического) краха, газеты ликовали по поводу грядущего национального возрождения страны. Возьмите, например, много печатаемого сейчас В.В. Розанова³³, его книгу 1914 г. «Война и русское возрождение». Дело не просто в патриотизме особого рода. За мироощущением автора ле-

---

³³ Розанов Василий Васильевич (1856–1919), философ, прозаик, публицист, литературный критик.

Фото И. Войниловича

Е. Р. Арэнзон

жат более глубокие историософские предпосылки. Главный публицист «Нового времени» (В. Розанов. — *Ред.*) был учеником К.Н. Леонтьева³⁴, выдающегося консервативного мыслителя, утверждавшего природную органичность мировых культурно-исторических учреждений.

Согласно Леонтьеву, начало и конец имеет любое государство, проходя циклические фазы развития подобно живому растению. И вот он, русский патриот и монархист, в конце XIX в. стал доказывать, что «кончается время петровской, петербургской России», что этой России надо воздвигнуть рукотворный памятник и скорее от него уйти, «отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв». Может быть, в 1917 г. Константин Леонтьев перевернулся в своем гробу вблизи Троице-Сергиевой лавры, но в основе своей его прогноз сбывся, начиная со зна-

---

³⁴ Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), философ, писатель, дипломат, представитель позднего славянофильства. Считая главной опасностью для России западный либерализм, доказывал необходимость возврата к «византизму»: сохранению принципов церковности, монархизма, сословной иерархии и т.п.

менательного переноса имперской столицы из придуманного западного города Петра в почвенную, византийскую Москву, на куполах которой «золотая, дремотная Азия опочила...». ³⁵ В своих территориальных пределах Россия действительно революционно возродилась на ордыно-общинных началах, уйдя от искушения реформироваться по моделям европейской цивилизованности.

Несколько десятилетий в Париже издавался орган правой русской эмиграции — «Возрождение». Было бы интересно разобраться, можно ли считать московскую бурю 1991–1993 гг. исполнением политических мечтаний и практической деятельности П.Б. Струве и его коллег, работавших в этой газете? Что и как возродилось (или реформировалось) в России, с их точки зрения?

В эти дни мы много говорим о президентских выборах во Франции, о тамошних лидерах и возможных политических тенденциях. При этом мы твёрдо знаем, чем будет заниматься лицо, поддержанное большинством левого или правого электората. В повестке дня Франции, как и любой страны европейского сообщества, реформы перманентны и предметно очевидны: налоги, пенсии, здравоохранение, просвещение... Меняются обстоятельства и порядковая значимость реформ, мелькают разные персонажи, берущие на себя ответственные решения. Неизменной остаётся системность интересов национального выживания. И потому при всех социальных колебаниях, руководимая лидерами разных идеологических цветов и оттенков, Франция неизменно отмечает как государственный праздник День взятия Бастилии (хотя давным-давно поставлен под сомнение миф о героическом штурме королевской тюрьмы, которую защищал сторож-инвалид с берданкой). Конечно, якобинский террор — кровавое дело, конечно, гражданин Робеспьер менее приятен, чем император Наполеон. Конечно, есть французы, приверженные монархическому легитимизму. Тем не менее жители Франции в массе своей воспринимают историю революции как объективную данность (при самых разных эмоциональных оценках её конкретики).

У нас Октябрьскую революцию (приверженцем которой лично я не являюсь) демократы, либералы, традиционалисты отвергают с таким ожесточением, будто речь идет о вчерашнем событии. Более того, мы начинаем легкомысленно обучаться безразличию к самому соотноше-

---

³⁵ С. А. Есенин. Из сборника стихотворений «Москва кабацкая». 1924.

нию причин Февраля и Октября. Не только народовольцы, но и декабристы в сознании россиян постепенно становятся сродни шахидам и боевикам современного фундаментализма. Почти на следующий день после конфуза ГКЧП в чудовищном симбиозе стали возрождаться мифологемы сталинизма и уваровского самодержавия. Потому и стало возможным вытаскивание из хронологических закров двусмысленных и малоубедительных дат для наполнения хоть каким-то содержанием оставшихся в памяти праздничных дней. Однако бюрократическими придумками трудно консолидировать народонаселение большой страны. А проводить реформы в обстановке эмоционального безразличия и душевной сумятицы вообще невозможно. Даже реформы в жилищно-коммунальной сфере.

Относительная успешность реформ в Китае определена, может быть, не только и не столько крепостью коммунистической идеологии, сколько живучими элементами конфуцианского жизнепонимания. Действенные национально-значимые идеи и проекты рождаются по большей части в глубине общественного организма.

Николай Бердяев сказал, что историю России изучать сложно, потому что здесь всё фрагментарно, а соединить вместе очень трудно. Соединить, естественно, можно, и мы должны заниматься этим. Единоличные предложения общенациональных праздников или кодексов нравственной взаимопомощи бесполезны.

Возможно, неповторимая особенность России именно в том, что это страна возрожденческих порывов, а не реформаторских процедур. Но то, что возрожденческий энтузиазм драматически амбивалентен,— об этом надо думать хотя бы для минимальной страховки и личного благополучия, и общественной стабильности.

С.П. Капица

Мне кажется, Евгений Рувимович почти подвёл итог нашей дискуссии. И здесь я бы просил высказать своё мнение Владимира Степановича Мясникова как опытного историка и китаевода.

В.С. Мясников

От Китая никуда никогда не денешься, это верно.

Конечно, историю России изучать трудно. Я согласен и с Николаем Александровичем Бердяевым, который подарил нам «Русскую идею», и со всеми, кто здесь выступал на эту тему. Но я думаю, что было бы про-

дуктивно рассматривать историю России и её реформы на фоне всеобщей, всемирной истории. Приведу такой пример. Вторая половина XIX в. Практически одновременно начинаются реформы в Японии (Мэйдзи исин 1867–1868 гг.), в Китае (Кан Ювэй 1898 г.) и в России: Великая реформа и далее преобразования, проводившиеся С.Ю. Витте, П.А. Столыпиным и т.д.

Япония, единственная из этих трёх ныне великих государств, тогда только и преуспела. Я не буду говорить — почему. Возьмите воспоминания того, чей портрет на японских купюрах достоинством 100 иен,— Фукудзава Юкити. Он был выдающимся мыслителем, первым президентом Токийской Академии наук, основателем знаменитого университета Кэйо и одним из основных либералов-реформаторов. Он рассказывает совершенно чётко и откровенно, от какого уровня общества они шли и к чему они хотели прийти, к чему стремилась вся нация.

Да, была такая национальная идея превратить Японию в государство, равное по мощи европейским державам. Этому способствовали не только реформы Мэйдзи. Конечно, император дал команду и охранял это движение. Но вся нация стремилась к обновлению во имя спасения своей страны. Было мощное движение во имя утверждения достойного места в мире путём заимствования лучшего иностранного опыта. В тех же странах, где реформы не преуспели,— в Китае они были разгромлены правящей династией, в России они тоже не смогли ещё дать своих плодов,— там начинались революции.

Вот об этой взаимосвязи реформ и революций надо как-то задумываться, потому что неуспех реформ ведёт к скачкообразному развитию, к взрывам. Сегодня уже эта мысль прозвучала, когда было сказано, что действительно в 80-е годы попытка горбачёвских каких-то преобразований была бесплодной. Как мне представляется, это во многом обусловило развитие в 90-е годы.

Когда мы пытаемся сравнивать наш, может быть, не совсем удачный опыт с китайским опытом, надо бы вспомнить вот о чём: от какого базиса начиналось то и другое. Китайцы начали свою реформу в 1978 г. До этого в стране была полная разруха. Под мощным катком культурной революции пострадало 100 миллионов человек и т.д. Это всё известно. Транспорт работал всего на 26% своих возможностей, промышленность замерла. Надо было с чего-то начинать. С чего же начали китайцы?

1977–1978 гг. были потрачены на то, чтобы на общенациональном уровне обсудить проект будущих реформ. Прошли всекитайские съезды,

В. С. Мясников

конференции во всех областях, на которых собирались вместе специалисты в области промышленности, транспорта, кинематографии, здравоохранения, просвещения. И везде, в общем, китайская интеллигенция играла конструктивную, определяющую роль. Она пыталась найти выход из кризиса путём принятия модели реформ. Тогда был выбор: как в Венгрии, как в Югославии, как в Швеции, как в Советском Союзе? Нет, — пришли к выводу через два года общекитайских дискуссий. Должен быть китайский тип реформ.

Эти реформы обычно называют реформами Дэн Сяопина. Это верно, Дэн Сяопин остановился на определенном типе реформ и последовательно их осуществлял. Но я привлек бы ваше внимание и к другой личности. Был (я надеюсь, есть до сих пор, не знаю ничего о его судьбе пос-

ледных лет) такой экономист Чэнь Ицзы. Этот человек свыше 20 лет отсидел в тюрьме, в одиночной камере. Он был репрессирован, когда шли гонения на так называемых буржуазных правых (1956 г.), на свободно мыслящую интеллигенцию. Находясь в одиночном заключении, он вынашивал план реформ для своей страны. Не роман писал, не киносценарий, а план экономических реформ. Это человек, которого потом принимала английская королева, принимали на высших уровнях в различных латиноамериканских странах, в США, в Европе.

Чэнь Ицзы бывал и у нас в стране. Мы его приглашали еще в горбачёвские времена, и мне посчастливилось с ним встречаться. Было такое впечатление, что это какой-то мощнейший компьютер: в голове этого человека была вся структура китайского народного хозяйства, всей китайской экономики. Он знал, как всё взаимосвязано и как нужно это реформировать. Поэтому, когда Дэн Сяопин пришел к власти, он пригласил к себе Чэнь Ицзы. Его нельзя было афишировать как реформатора: 20 с лишним лет сидел в тюрьме, — это же какой-то антинародный элемент. В 1989 г., после событий на площади Тяньаньмэнь, он вынужден был выбраться из Китая и преподавать в одном из американских университетов. Но именно его главные идеи, как постепенно, поэтапно и системно провести китайские реформы, были приняты китайским руководством.

У нас этого не было. У нас действительно совершили переворот, а что делать дальше, никто не знает. Вот есть «умный» Гайдар, может быть, кому-то показалось, что он самый талантливый, и тогда решили, давайте его спросим. Двух лет на обсуждение, как вести реформы, не было. Может быть, на это надо было потратить два года в горбачёвское время. В Китае нашлись достаточно достойные и умные люди, но и наша страна ими никогда бедна не была и до сих пор не бедна. Иное дело, спрашивают или не спрашивают совета у специалистов. Это другой вопрос.

Я думаю, что в сегодняшнем докладе, с моей точки зрения, блестяще нам представленном, отражены волны реформ, прокатившиеся по России на протяжении нашей истории. Я согласен с их классификацией на деспотические, либеральные и национальные проекты.

Конечно, нам нужен национальный проект. Безусловно, нужен национальный проект, который был бы понятен каждому. Сегодня в Китае говорят: «Мы все поддерживаем реформы, потому что каждый из китайцев в результате реформ что-то да получил». У нас при опросе населения выясняется совсем другая картина. Люди говорят, что попали в другое — бедственное положение. Поэтому я за национальный проект.

В начале 90-х годов, когда у нас были на виду ещё два лидера — Ельцин и Горбачёв, я выступал с лекциями в университетах в Южной Корее. В Южной Корее тогда среди студенчества были очень сильны социалистические настроения. Студенты меня спрашивали: «А вот Вы у себя кого поддерживаете, Горбачёва или Ельцина?» Я им отвечал обычно: «Ни того и ни другого». — «Как? Почему?» — удивлялись они. Я отвечал: «Считаю, что моей стране нужен лидер другого типа». — «Какой? Как Чон Ду Хван?» «Нет, — я говорю, — нам военная диктатура не нужна совершенно, но нам нужен национальный лидер, который был бы способен вывести страну из кризиса, как, например, сделал это Франклин Делано Рузвельт после Великой депрессии в Соединенных Штатах».

С.П. Капица

Теперь, если нет никаких вопросов, я думаю, нужно дать заключительное слово нашему докладчику. Пожалуйста, Феликс Вельевич.

Ф.В. Разумовский

Уважаемые коллеги, я благодарен всем выступавшим и слушавшим.

Хочу сделать только одно замечание, небольшую реплику в адрес Игоря Григорьевича Яковенко. Он внёс, на мой взгляд, очень остроумное предложение: посмотреть на князя Владимира Святославовича, на его главное дело — крещение Руси — с точки зрения предложенной концепции русских реформ. Я считаю, что это замечательный способ проверить эту концепцию. Обращу ваше внимание на два обстоятельства: несмотря на то, что произошло такое поистине космическое событие для всего народа, для людей, живших тогда на Восточно-Европейской равнине, тем не менее такой концепт, как Русская земля, был сохранен, а это, между прочим, одно из основных понятий в русской культурной топике.

А посмотрите на летописный выбор вер. Понимаете, мы можем как угодно иронично сегодня говорить о том, что на Руси и тогда уже было это «веселие пити», что мы «не можем без этого быть», но это всё досужие разговоры. О чём говорит вообще сама эта ситуация? О том, что даже выбор истинной веры связывался с теми понятиями и с теми традициями, которые существовали на тот момент в русской жизни. Вы, конечно, понимаете, что речь шла не о банальном пьянстве, а о княжеских пирах, которые представляли собой взаимное отдание чести князем и его дружиной (судя по всему, это важный институт того времени). И он был со-

хранён. Значит, даже во время столь грандиозного события сохранялась и оберегалась та самая культурная топка, благодаря которой, в общем-то, мы существуем до сих пор. Ещё раз большое спасибо.

С.П. Капица

В завершение нашего заседания я позволю себе сказать несколько слов.

Мне кажется, что сегодня в докладе нам был представлен очень интересный взгляд на русскую историю и, главное, на нашу современность. Меня удивляет вопрос, почему мы всё время так углубляемся в прошлое, чтобы найти ответ на настоящее. Но, по-видимому, другой модели нет. Другие страны находятся от нас дальше, чем наше прошлое. Это, по-видимому, главный урок, который мы сегодня можем извлечь. Нам надо искать ответы прежде всего в своей истории. В то же время есть мировая история, и Владимир Степанович Мясников прав, обратившись к её опыту.

Мировая история претерпевает (во всяком случае, у меня такое твердое убеждение) собственный переходный период к коренному изменению режима развития. Периоду, связанному с переходом от невероятного до последнего времени роста к постоянному по численности составу населения в мире. Наша страна оказалась в этом смысле во власти макроскопических глобальных событий. Мы до сих пор по-настоящему не понимаем, отчего это происходит. Природа этого явления не экономического характера, поскольку все самые богатые страны оказались в полном тупике в отношении самовоспроизводства — главной функции любой страны, любого общества.

Единственное, что можно сказать, это, несомненно, связано с культурными, образовательными процессами. Я бы сказал, с тем, что называется таким сложным понятием, как общественное сознание. Насколько мне известно, мы плохо знаем, что такое сознание человека. Общественное сознание ещё более сложное понятие, но, по-видимому, это объективно существующее явление, которое определяет поведение общества. И наша страна, я повторяю, здесь далеко не в худшем положении.

В католической Италии сейчас приходится на женщину 1,12 ребенка. В Испании — 1–0,9, в Германии — 1,4 (в основном за счет турок); в Японии, которая находится на другом конце света, — по-моему, 1,35. У нас такая же демографическая картина. Она испещрена другими страшными событиями, но, к сожалению, этот сигнал мировой демог-

рафии неотвратим. Через 50 лет так называемые развивающиеся страны, несомненно, попадут точно в такое же положение. Это не моё утверждение, об этом говорят те, кто внимательно изучает и следит за процессом, в результате которого земной шар может стать другим.

Этот глобальный фактор отражается и на России, потому что Россия моделирует как бы глобальную историю. У нас есть свои отдалённые север и юг, запад и восток, свои развитые и неразвитые районы, грандиозные пространства Сибири, не говоря об истории, уходящей в глубины веков. Это налагает на нас большую ответственность перед необходимостью разобраться в происходящем.

Мне кажется, что один из печальных итогов нашего, как мы его теперь называем, проклятого прошлого заключается в том, что оно не оставило нам в наследство никакого мировоззрения. Но этот кризис мировоззрения опять-таки тоже мирового характера — к такому выводу приходишь, чем больше читаешь современных мировых историков. За исключением, может быть, французов, ни у американских, ни у каких-либо других историков и обществоведов я не нашёл сигнала, который мог бы помочь нам сейчас разобраться в нашем мироощущении. Они склонны рассматривать всё локально, как-то механистично, не замечая больших и общих закономерностей, что, кстати, больше находит отражение в русской философии, в русской традиции. В этом смысле наши историки давали некий синтетический подход к истории, так же, как, я повторяю, французы. У англичан этого нет. Тот же Тойнби³⁶ — человек узконаправленный в своей философии, не говоря о том, что он всё сводил к религии.

Сейчас у нас происходит поиск ответов на реальность в религиозном направлении, вплоть до того, чтобы развивать религиозное сознание в школе и т.д. Мне кажется, это тупиковый путь. Сейчас в целом в стране в сто раз больше людей проводит время перед телевизором, чем ходит в церковь. По статистике, по-моему, в десять раз, но я думаю, что не в десять, а в сто раз больше. То, что показывает наше телевидение, вы знаете лучше меня. Оно приводит к полной деморализации сознания. Это, к сожалению, очень страшная ситуация. Глядя на наше телевидение, никаких детей иметь не захочется.

---

³⁶ Тойнби Арнольд (Arnold Toynbee) (1889–1975), английский историк и культуролог. Создал теорию исторического круговорота культуры.

В.С. Мясников

Можно реплику? В записках одного сибирского старовера телевизор назван как «говорящая икона в руках дьявола».

С.П. Капица

Точный образ, надо чаще напоминать его. Эта «дьявольская икона», к сожалению, несёт очень страшный, разрушительный для сознания сигнал. Возникает клиповое мышление без каких-либо серьёзных связей времени и надежды на то, что умом можно что-то понять в России.

Я думаю, когда мы проводим такие обсуждения, как сегодня, мы делаем то, что можем делать. И наш отчёт о проведенной дискуссии, может быть, как-то повлияет на сознание не только присутствующих, но и тех, кто, прочитав его, услышит нас.

Я очень благодарен всем участникам заседания, большое всем спасибо!

JK

Никитский клуб

клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князья Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были Терский, Рябушинский, Жилярди. На Никитском бульваре (в здании Музея Востока) в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный Банк России. В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте» Выпуск 32
Реформы по-русски: исторический контекст современного опыта
— М., 2007.—72 с.
ISBN 5-8341-0084-8

Заседание Никитского клуба, стенограмма которого изложена в данной книге, подтвердило еще раз, что принцип «история не знает сослагательного наклонения» не исключает необходимости анализировать события «минувших дней». Ф. Разумовский в своем докладе о «реформах по-русски» для изучения опыта русских реформ, для прогнозирования любой реформаторской и преобразовательной деятельности предложил исторический подход на основе критерия отношения к культурной топике.

ББК 65.03(2) 63.3(2)

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 32
Реформы по-русски:
исторический контекст современного опыта

Редактор выпуска Н.М. Румянцева
Редактор В.Ю. Григорьева
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Подписано в печать 26.9.2007
Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».
Усл.-печ. л. 6,2. Заказ 02426. Тираж 1000.
Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».
125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13